

С. Р. Микулинский, М. Г. Ярошевский

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПУТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ



1970 • СЕРИЯ



БИОЛОГИЯ

С. Р. МИКУЛИНСКИЙ,
член-корреспондент АН СССР
М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ,
доктор психологических наук

**ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ
ПУТИ
ПСИХОФИЗИОЛОГИИ**

(Анализ некоторых коренных проблем психофизиологии в трудах
В. И. Ленина)

Издательство «ЗНАНИЕ»
Москва 1970

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Введение	3
Материализм и развитие психофизиологии	6
Объективный и субъективный подходы к истолкованию психических явлений	15
Ленинская характеристика «физиологического» идеализма и ее идейное и научное значение	20
Ленинская критика «теории символов» (или нероглифов)	28
Критика махистской интерпретации проблем психофизиологии	34
Материалистический монизм и теория отражения	40
В. И. Ленин о связи научной психологии и нейрофизиологии	48

Семен Романович МИКУЛИНСКИЙ
Михаил Григорьевич ЯРОШЕВСКИЙ

Об историческом пути психофизиологии

Редактор *И. М. Тужилина*
Художник *А. Астрецов*
Худож. редактор *Т. И. Добровольнова*
Техн. редактор *Е. М. Лопухова*
Корректор *Г. П. Ефименко*

1-5-7

А 04550. Сдано в набор 21/1 1970 г. Подписано к печати 17/III 1970 г. Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Бум. л. 2,0. Печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,56. Тираж 54 000 экз. Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 211, Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Цена 12 коп.

Введение

В. И. Ленин был не только гением революционного действия, вождем, чей ум и воля сумели организовать, направить и привести к победе усилия миллионов трудящихся по преобразованию мира.

В этом удивительном человеке революционер и политик сочетались со столь глубоким и разносторонним мыслителем, что до сих пор, почти через полвека после его смерти, трудно охватить все области знания, в которых его деятельность оставила неизгладимый след.

Политическая экономия и конкретная экономика, учение о социально-экономических формациях и движущих силах исторического развития, теория научного коммунизма и философия, учение о государстве и этике, искусство и эстетика, диалектика познания природы и человеческого сознания... Даже простое перечисление всех областей науки и человеческой деятельности, в которые В. И. Ленин внес много новых, часто основополагающих идей и мыслей, продолжающих оплодотворять научные поиски современности, потребовало немало страниц.

Мало чьи труды привлекали столько внимания, сколько труды В. И. Ленина. По данным ЮНЕСКО, его сочинения занимают в настоящее время по тиражу первое место в мире. Но богатство содержащихся в них идей столь неисчерпаемо, что далеко не все они в равной мере изучены и освещены.

Когда говорят об идеях В. И. Ленина в области развития естествознания, то это прежде всего ассоциируется с его обобщениями и предвидениями в области методологии физики.

Стоит произнести слова «материализм и эмпириокритицизм», как сразу в сознании всплывает непревзойденный ленинский анализ кризисной ситуации, связанной с революцией в физике конца XIX—начала XX вв., и философские выводы из него. Но значительно меньше обращало на себя внимания то, что в этой книге, в связи с общей задачей даль-

нейшей разработки на новом историческом этапе диалектико-материалистического мировоззрения, с большой глубиной была развернута картина состояния и трудностей развития физиологии. Естественно, что особое внимание было уделено изучению физиологических механизмов познавательной деятельности человека, т. е. функций органов чувств и мозга.

Ложно интерпретируя тенденции научного развития, идеализм редко выступает с открытым забралом. Чаще он выдает себя за приверженца передовых научных взглядов, претендуя на то, что именно он способен вывести естествознание из тупиков и противоречий.

В. И. Ленин показал истинный смысл кризисов в науке, их гносеологические и социальные корни. Особое внимание он уделил кризисным явлениям, связанным с новейшей революцией в физике. Но, повторяем, ленинские выводы относятся отнюдь не к одной лишь физике. Они касались естествознания в целом, сложных и противоречивых отношений между естествознанием и философией.

В. И. Ленин охватил не только события, разыгравшиеся в конце XIX—начале XX в. Его выводы явились обобщением длительного периода развития естественнонаучной и философской мысли и раскрывали перспективы ее развития. Поэтому, хотя на переднем плане ленинского анализа был кризис в естествознании на рубеже XX в. и убедительный показ пагубной роли в этом кризисе одной из разновидностей идеалистической философии — эмпириокритицизма, истинное значение ленинских положений неизмеримо выше.

Перед В. И. Лениным стояла задача отстоять марксистскую диалектико-материалистическую философию, ее теорию познания.

Неспособность диалектически осмыслить новейшие достижения науки, в то время связанные в первую очередь с революцией в физике, привела к шатаниям среди некоторой части натуралистов и философов в вопросе об объективности наших восприятий и вообще способности адекватного отражения реального мира, чем и воспользовалась идеалистическая философия.

Поэтому не случайно, рассматривая «физический» идеализм, вызванный революцией в физике начала XX в., В. И. Ленин сопоставляет его с «физиологическим» идеализмом начала XIX в. и последующими этапами изучения нервно-психической деятельности человека.

Обращает на себя внимание, что, касаясь вопроса об ощущениях, оказавшегося камнем преткновения для многих естествоиспытателей и философов, В. И. Ленин внимательно анализирует сочинения философа XVIII в. Д. Дидро и характеризует концепцию И. Мюллера, относящуюся к началу XIX в. В этом раскрывается широта замысла и подхода.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что, для того чтобы понять какое-либо явление, нужно рассмотреть его в развитии. Именно так он поступает, анализируя способность человеческого ума адекватно познавать внешний мир, проблемы и трудности в этой области, несостоятельность спекуляции на них махизма и других идеалистических философских школ и школок. И он раскрывает не отдельные эпизоды, а широкую картину исторического становления знаний о познавательных способностях человека. Широта этой картины позволяет ему не только охватить настоящее, но и прогнозировать будущее науки, тенденции ее развития.

В. И. Ленин не только вскрыл общие методологические предпосылки развития естествознания в сложных условиях борьбы основных философских партий. Он проанализировал своеобразие конкретно-исторических ситуаций, сложившихся в психофизиологии в различные периоды ее истории в связи с общей эволюцией научной и философской мысли. Три этапа этой истории были рассмотрены им в связи с попытками адептов идеалистической философии интерпретировать достижения естествознания как свидетельство мнимой неспособности материализма объяснить закономерности нервно-психической деятельности. Первый этап касался периода возникновения физиологии органов чувств как отдельной научной дисциплины (первая треть XIX в.). Сложившиеся в ту эпоху новые подходы к функциям рецепторов дали повод отдельным естествоиспытателям ложно истолковать достижения физиологии. Возник так называемый «физиологический» идеализм.

Второй этап падает на середину прошлого века. Это время ознаменовалось новым бурным подъемом физиологии органов чувств. Трудности, с которыми столкнулись исследователи в этой области, привели к концепциям, игнорирующим отражательный характер ощущений («теория иероглифов»).

В конце прошлого столетия наступил новый этап, также полный противоречий, драматических столкновений между сторонниками объективного метода и его противниками, между психо-физиологами, стремившимися удержаться на твердой почве материалистических основ естествознания, и теми, кто пытался утвердить в психофизиологии субъективно-идеалистический подход и даже использовать этот подход для подрыва материалистических устоев самого естествознания. В этот период психология преобразуется в самостоятельную опытную науку. Вопрос о том, какова должна быть ориентация этой новой науки также становится предметом ожесточенных дискуссий. В условиях нарастающей идеологической реакции махизм проникает в умы не только физиков, но и физиологов и психологов.

Раскрывая с позиций диалектического материализма под-

линный идейный и социально-классовый смысл махистской философии, В. И. Ленин трактовал ее как явление, которое может быть правильно оценено в связи с общим состоянием естественных наук, вступивших в полосу революционных преобразований.

Среди естественных наук, испытывавших на рубеже нового века глубокие преобразования, была и психофизиология.

Отстаивая в противовес махизму и развивая соответственно новым социально-историческим запросам теории отражения, В. И. Ленин рассмотрел в связи с этой задачей ряд коренных психофизиологических проблем. Ленинские идеи и выводы позволяют проследить характер соотношений между философскими тенденциями и успехами в конкретном изучении нервно-психических актов на каждом из этапов развития психофизиологии.

Попытаться осветить эту сторону многогранного научного наследия В. И. Ленина мы и поставили своей задачей в настоящей работе.

Материализм и развитие психофизиологии

В конце XIX—начале XX в. идейная борьба вокруг проблем физиологии нервной системы и органов чувств приобрела в связи с крушением механистического мировоззрения особую остроту.

В. И. Ленин проанализировал ход и итоги этой борьбы, и его выводы исключительно важны для понимания коренных проблем развития философии и естествознания.

Нужно иметь в виду, что единое древо естествознания имеет различные побеги. Они внутренне связаны общими закономерностями эволюции науки, но они развиваются неравномерно.

На протяжении всей своей истории физиология находилась в непосредственной зависимости от успехов других областей естествознания. Степень ее научности возрастала под воздействием физико-химических методов. Предпосылкой к ее зарождению в качестве самостоятельной области знания явилось утверждение в XVII в. механистической картины мира. Именно благодаря новой методологии, ориентировавшейся на механические принципы и модели, стали возможны такие завоевания физиологического знания, как открытие кровообращения Гарвеем и открытие рефлекторной природы поведения Декартом.

Развитие физиологической мысли в XIX в. было обусловлено возникновением физико-химического направления, распространившего принцип сохранения и превращения энергии на живую природу. Благодаря этому все многообразие явлений неорганической и органической природы было приведено в единую причинную связь. Началось внедрение новых методов и объяснительных приемов в изучение всех жизненных функций, включая психические.

С помощью физических приборов удалось, в частности, измерить, с

какой скоростью распространяется возбуждение по нерву. А это позволило определить время реакции человеческого мозга на различные раздражители. Оказалось, что нервные процессы, считавшиеся прежде протекающими с непостижимой быстротой, в действительности сравнительно медленны, а главное — доступны опытному и количественному изучению. Удалось также выяснить устройство зрительных и слуховых рецепторов (органов чувств) человека. Поскольку же укрепилось убеждение в том, что ощущения служат исходными элементами всей умственной работы, то забрезжила перспектива строго научного объяснения не только простейших, но и самых сложных процессов познания.

Важные результаты были получены и в отношении работы нервных центров, регулирующих приспособительные реакции и служащих субстратом памяти, мышления, воли. Так, например, открытие Сеченовым способности мозга тормозить реакции на внешние раздражители пролило свет на механизм воли, одним из самых выдающихся признаков которой является способность ставить барьер нежелательным импульсам. Однако дальнейшее развитие этого нового направления натолкнулось на трудности, связанные с ограниченностью механистического подхода.

Трудности и противоречия на пути проникновения естественнонаучной мысли в область нервно-психических явлений дали повод идеалистам утверждать, будто естественнонаучные методы, в частности принципы причинности, объективной закономерности, теряют силу при переходе в эту область. Естествоиспытатель, заявлял, например, немецкий биолог, — один из создателей клеточной теории, М. Шлейден, не должен выходить за пределы своего привычного круга явлений и браться за объяснение психических продуктов деятельности органов чувств. Он не должен «строить дом на чужой почве», ибо здесь якобы терпит крах закон причинности — незыблемая база естественных наук¹. Ведь здесь причина оказывается без эффекта (например, множество впечатлений, падающих на сетчатку, не замечаются нашим сознанием, оказываются за его порогом), а эффект — без причин (мы видим той частью сетчатки, где в действительности находится слепое пятно). Здесь одинаковые причины вызывают неодинаковые следствия (например, видимая величина восходящей Луны непрерывно меняется), а одинаковые следствия оказываются продуктом самых разнообразных причин (любое раздражение зрительного нерва — не только оптическое, но и механическое и электрическое дает ощущение света). Подобрал ряд подобных фактов, Шлейден утверждал, что для физиологической оптики идея детерминизма совершенно непригодна. В действительности, конечно, эти факты говорили только о том, что закон причинности приобретает здесь специфические формы проявления, связанные с возникновением у высокоорганизованной материи новых свойств, которые отсутствуют на предшествующих уровнях.

Физиологи — лидеры передового физико-химического направления становились в тупик, когда в ходе экспериментальной работы наталкивались на явления, необъяснимые в категориях, применимых к физико-химическим процессам. Так; знаменитый физиолог Людвиг, описывая свойства зрительного аппарата, указывал, что для возникновения зрительного впечатления недостаточно раздражения сетчатой оболочки. Чтобы воспринять появляющийся на сетчатке образ, необходимо участие внимания как особого акта сознания. Это дало идеалистам повод объявить Людвигу — естествоиспытателя до мозга костей — сторонником учения о душе как «самостоятельном начале».

Вот что писал идеалист Г. Струве:

«Кажется, электричество будет электричеством, если только существуют для того физические условия. Электричество отнюдь не зависит от того, обращает ли, например, электрический аппарат свое внимание на фи-

¹ См. М. Schleiden. Zur Theorie des Erkennens durch den Gesichtssinn. Leipzig, 1861, S. 104.

зические условия электричества. Отчего же все физиологические условия ощущения, все необходимые к этому внешние процессы сами по себе еще не производят ощущения? Отчего здесь для образования ощущения требуется, чтобы аппарат, в котором все эти процессы совершаются, обращал на них свое *внимание?*»¹.

Естествоиспытатели признавали недостаточность своих исходных физико-химических представлений, а идеалисты использовали это в целях доказательства того, что естествознание никогда (а не только на определенном историческом этапе) не постигнет, как из электрических токов и химических превращений могут возникнуть психические феномены.

Неспособность выйти за пределы механистических представлений приводила к выводу о непознаваемости психической деятельности и сознания не только философов-идеалистов, но и тех естествоиспытателей, над которыми тяготела механистическая методология. Так, Дюбуа-Реймон — немецкий физиолог, внесший крупнейший вклад в развитие электрофизиологии, в нашумевшей речи «О границах научного познания» говорил, что, даже если бы мы во всех деталях знали положение и движение каждого отдельного атома в нашем мозгу в каждое мгновение, могли бы с точностью проследить, с какими перемещениями и движениями атомов неразделимо связаны отдельные психические явления, знали, каким образом совершается механика мозга, соответствующая задаче на вычисление, подобно механике вычислительной машины, знали, какая молекулярная буря соответствует боли при раздражении тройничного нерва или какая пляска атомов соответствует блаженству музыкального ощущения, мы и тогда не будем знать, как возникает сознание. Отсюда он приходит к выводу, что естествознание не только теперь, но никогда не сможет раскрыть, каким образом возникает способность ощущения, воля и сознание, и провозглашает, что сущность материи и сознания непознаваемы².

Другой, хотя и менее крупный, но не менее широко известный немецкий физиолог, Макс Ферворн, некоторое время спустя в своей нашумевшей книге «Общая физиология. Основы учения о жизни» (ее русский перевод вышел в Москве в 1897 г.) писал: «Мы почерпнули наше знание телесного мира из чувственного восприятия. Следовательно, вопрос о том, что оно нам может дать и дает действительно, есть вопрос физиологический. Но физиология чувства показывает нам, что все, что входит через дверь нашего чувства, дает нам единственно лишь ощущения и всегда только ощущения»³. Отсюда он под влиянием Маха и Авенариуса приходит к заключению, что то, что является нам как телесный мир, в действительности есть лишь наше собственное ощущение или представление, наша собственная психика. «Если я смотрю, — писал он, — на какое-либо тело или воспринимаю его как-либо иначе, то в действительности я имею вовсе не тело вне меня, но только ряд ощущений...»⁴, и далее: «...казуальность, подобно всем другим ощущениям, представлениям, понятиям или как бы мы их не назвали, сама существует только в нашем собственном представлении, в нашей собственной психике»⁵.

Механистическое воззрение, обусловившее на первых порах прогресс физиологии, становилось на определенном историческом этапе тормозом ее дальнейшего развития. Требовался переход к новому, другому воззрению, способному преодолеть барьеры, перед которыми оказалась бессильна методология механицизма.

Физиологи, полагавшие, подобно Дюбуа-Реймону и Максу Ферворну, что они показали ограниченность механицизма, на самом деле оставались

¹ Г. Струве. Физиология Людвига с психологической точки зрения. — «Русский вестник», М., 1870, т. 86, стр. 376.

² См. E. Du Bois-Reymond. Reden, Erste Folge. Leipzig, 1886.

³ М. Ферворн. *Общая физиология*, т. I, М., 1897, стр. 70.

⁴ Там же, стр. 71.

⁵ Там же, стр. 72.

в плену механистического способа мышления и в силу этого впадали в идеализм.

Идеалистическая философия на протяжении веков представляет ощущения, чувства, сознание, идеи, волевые импульсы в ложном свете, относя их к особому, бестелесному, непространственному миру, доступному якобы лишь внутреннему созерцанию.

Согласно марксистской точке зрения психическая деятельность человека включается в новую систему отношений. Она определяется не биологическими, а социально-историческими закономерностями. Однако, имея в основе биологические процессы, будучи порождениями телесного органа — мозга, ощущение, сознание и воля являются объектами естественнонаучного, опытного, объективного изучения.

Ленинский вывод проливает яркий свет на взаимосвязи между философией и естествознанием, на сложные и противоречивые пути формирования физиологической науки. На протяжении всей ее истории идеалисты неизменно настаивали на том, что естественные науки могут изучать физиологические основы сознания, но не само сознание. Они могут изучать процессы, протекающие в нервах, но не способность ощущения. Эти утверждения выражали вполне определенную установку, сводившуюся к тому, что сознание человека, его психическая деятельность есть порождение особого духовного начала. Область сознания, душевной деятельности человека служила главной цитаделью идеалистических спекуляций. Стремясь уберечь эту область от вторжения естественнонаучных методов, идеализм настаивал на принципиальном различии психических и физиологических процессов. Утверждалось, что, когда речь идет о физиологическом процессе, нужен строгий и точный язык механики, химии, математики. Когда же предметом анализа становится ощущение, или сознание, то здесь применимы одни только средства внутреннего наблюдения и философского созерцания.

Почему философы-идеалисты с таким упорством доказывали, будто психические явления непроницаемы для объективного естественнонаучного изучения? Почему они требовали для себя монополии на них? Объясняется это тем, что естественнонаучное изучение психических явлений — ощущение, представлений и мысли, как подчеркнул В. И. Ленин, заставляет «отказаться от субъективизма и принять материализм»¹. Но эти проблемы не безразличны и для философии. Отношения между физиологией и философией приобретают особый характер в силу того, что среди физиологических объектов имеются аппараты, функционирование которых обусловливает деятельность сознания. Отношение же сознания к бытию составляет, как известно, основной вопрос философии. Естественно, что философия не может оставаться безразличной к тому, как трактуется работа указанных аппаратов.

Поэтому каждый крупный шаг на пути проникновения

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 438.

физиологии в механизмы сознания немедленно вызывает волну философских дискуссий. Дискуссии эти неизбежно выходят за пределы философской интерпретации данных физиологии и захватывают широкий круг мировоззренческих проблем, в том числе и проблем, имеющих непосредственное отношение к другим разделам естествознания. Мы видим, что взаимосвязи философских и естественнонаучных идей оказываются весьма сложными и многообразными.

Одним из центральных ленинских тезисов является утверждение неразрывной связи философского материализма с естествознанием и раскрытие ложности претензий махизма на то, чтобы быть «новейшей философией естественных наук». «Весь махизм, — подчеркивает В. И. Ленин, — борется с начала и до конца с «метафизикой» естествознания, называя этим именем *естественноисторический материализм*, т. е. стихийное, несознаваемое, неформленное, философски-бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием. И этот факт облыжно замалчивают наши махисты, затушевывая или запутывая неразрывную связь стихийного материализма естествоиспытателей с философским материализмом как направлением, давным-давно известным и сотни раз подтвержденным Марксом и Энгельсом»¹. Мировоззрение подавляющего большинства естествоиспытателей характеризуется, таким образом, Лениным как *естественноисторический материализм*. Ленинский анализ философской природы и идейной функции естественноисторического материализма дает ключ к решению ряда фундаментальных вопросов развития психофизиологии. Обратим внимание на то, что к числу руководящих начал естественноисторического материализма Ленин относит не только определенный взгляд на внешний мир, но и определенный взгляд на сознание, т. е. на психическую деятельность человека. Последняя рассматривается естественноисторическим материализмом как свойство материальной организации, как процесс, порождаемый мозгом, его функция.

Как бы ни стремились идеалисты ограничить компетенцию базирующихся на естественноисторическом материализме наук о природе областью чисто телесных, материальных процессов, эти науки неуклонно обогащали знание не только о материальном субстрате психики, но и о ней самой — о психике, как таковой, как качественно новом свойстве органической материи.

Ленинская характеристика естественноисторического материализма вскрывает подлинный источник тех крупных завоеваний, которые вывели изучение психической функции

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 367.

мозга из сферы чистого умозрения, спекулятивных конструкций.

В. И. Ленин придавал важное значение раскрытию зависимости конкретно-научных исследований от исходной методологической установки. Позитивисты утверждают, будто эта установка — нечто внешнее по отношению к фактическому составу знания. Призыв сосредоточиться на одних только фактах и закономерных соответствиях между ними может сблизить философы неискусственных естествоиспытателей. И тем не менее объективно, т. е. независимо от того, осознает ли это естествоиспытатель или нет, методологическая установка влияет на направление его деятельности. Она может быть сознательной, приобретая характер философских воззрений, или философски неформальной, т. е. не сложиться в систему философских взглядов.

Переход неосознанного убеждения в осознанное, т. е. в данном случае переход от стихийного материалистического воззрения к философски осмысленному вовсе не безразличен для практики исследовательской работы. Он активизирует эту практику, придает ей определенную направленность, целеустремленность и энергию. В качестве примера можно было бы привести различия между подходом двух великих натуралистов и мыслителей прошлого столетия Гельмгольца и Сеченова к проблеме мышечных ощущений. Мировоззрение Гельмгольца было сложным и противоречивым. Ленинская характеристика взглядов Гельмгольца (в дальнейшем мы остановимся на ней подробнее) не оставляет сомнений в том, что есть все основания отнести его к естественноисторическим материалистам. Сам Гельмгольц материалистом себя не считал. Он считал себя то кантианцем (утверждал априорный, т. е. независимый от опыта, характер действия закона причинности), то позитивистом. Известно, однако, что оценка методологических позиций ученого должна базироваться не на его собственных суждениях о своих взглядах, а прежде всего на реальной, объективной тенденции его исследований, на раскрытии тех зачастую подспудных, но определяющих установок, которые независимо от воли и желания ученого ведут его в том или другом направлении.

Научные идеи и открытия каждого ученого имеют объективную ценность, которая может иногда более адекватно осознаваться другими исследователями, чем им самим. Объективная ценность работ Гельмгольца не только в области физики, но и физиологической акустики, физиологической оптики и других разделах психофизиологии не является сомнительной в том, что по основной своей тенденции эти работы являются стихийно материалистическими. Достаточно, например, указать на его исследование слуховых ощущений, показавшее, что эти ощущения (т. е. факты сознания) однозначно определяются воздействием физического раздражителя на нервное устройство. Субъективное выволилось из объективного, факты сознания включались в жесткую причинную связь между материальными процессами во внешнем мире и в нервном аппарате. Очевидно, Гельмгольц мог прийти к этим важнейшим выводам лишь потому, что вопреки своим рассуждениям об априорности причинной связи, о субъективности ощущений и т. п. фактически руководствовался принципами естествонаучного материализма, т. е. признавал независимость от сознания реальных вещей и их причинных связей, а также их воздействие на мозг субъекта, воспринимающего те или иные тона и звуки. Однако именно в силу того, что материализм Гельмгольца был «философски неформальным», он, сторонник объективного, причинного анализа деятельности органов чувств, сталкиваясь с новыми сложными феноменами, иногда

оказывался в плену ошибочных идеалистических представлений. Такими сложными феноменами являлись, в частности, мышечные ощущения.

Изучая работу глаза, Гельмгольц столкнулся с важной ролью мышцы, с ее участием в построении пространственных образов вещей. Это было очень важное открытие, хотя и имевшее предшественников, но введенное в широкий научный оборот именно Гельмгольцем. Исследование деятельности мышцы, как своеобразного телесного органа, который выполняет наряду с двигательной также и познавательную работу, сразу же столкнулось с весьма трудным вопросом.

Сегодня мы связываем этот вопрос с общими принципами саморегуляции системных функций. Во времена же Гельмгольца теория биологического регулирования применительно к органам чувств еще не была разработана. Как же решает Гельмгольц проблему управления человеком мышцами своего тела, в частности мышцами глаза — самого подвижного органа? Если бы его материализм носил сознательный характер, был последовательным, поиски ответа на этот вопрос могли бы идти только в одном направлении: мышцы глаз, подобно всем другим двигательным органам нашего тела, должны регулироваться процессами в центральной нервной системе, должны быть подчинены определенной объективной закономерности, вскрываемой средствами естественнонаучного исследования. Но Гельмгольц не был последовательным материалистом, его материалистические убеждения не были осознанными, и он, покидая почву материализма, наряду с нервной системой выделяет в качестве особого самостоятельного начала субъективное волевое стремление (интенцию). Именно это стремление, доказывает он, придает мышцам нужную форму, нужное направление. Уже не естественные механизмы, а непостижимые для объективного наблюдения и эксперимента внутренние импульсы, которые переживаются индивидом в виде особых, принципиально отличных от всех других видов ощущений — «ощущений иннервации», оказываются конечной причиной мышечной регуляции.

Конечно, и материалист может ошибаться. Примеров тому множество. Никакие философские убеждения не могут застраховать от ошибок. Но ошибки ошибкам — рознь. Будь Гельмгольц убежденным, сознательным материалистом, он мог бы в объяснении описанного феномена пойти по любому пути, но только не по пути выдвижения гипотезы, несовместимой с причинным взглядом на жизнедеятельность.

Вокруг гипотезы Гельмгольца развернулись ожесточенные споры. Многие физиологи поддержали ее. Большинство же приходит к выводу, что источником его заблуждений было отрицание способности человека произвольно иннервировать свои мышцы. Гипотеза «иннервационных ощущений» была забракована и осталась в анналах истории физиологии в перечне заблуждений.

Сопоставим теперь с гельмгольцевским подходом к проблеме позицию И. М. Сеченова. Идеиная платформа Сеченова была совершенно иной. Ее отличал осознанный, философски осмысленный материализм. Поэтому, исследуя деятельность мышц, в том числе и деятельность глазных мышц, Сеченов принципиально не мог принять предположение о том, что существуют ощущения, которые имеют своим источником не объективные, независимые от сознания сигналы, а волевою направленность (интенцию) самого субъекта. Для него такая гипотеза была несовместима с самими основами научного знания об организме и законах регуляции его поведения. Поэтому он подвергает гипотезу «иннервационных ощущений» критике — как теоретической, так и экспериментальной.

В противовес этой гипотезе он выдвигает и развивает положение о том, что мышечная активность на всех ее уровнях регулируется сигналами, которые возникают не в особой сфере сознания или воли, а в самом мышечном аппарате по ходу его функционирования. Сигналы эти являются непременным участником целесообразного мышечного акта. Они и передают информации в нервные (управляющие) центры, как идет его выполнение. Гипотеза Сеченова не была чисто умозрительной конструкцией.

Она обобщала данные, полученные при наблюдении за целесообразными реакциями обезглавленных лягушек, а также за поведением людей, у которых нарушена мышечная чувствительность (атактиков).

Если гипотеза об «киннервационных ощущениях» давно потеряла актуальность, то сеченовская идея о роли мышечных сигналов в саморегуляции поведения оценивается современными исследователями как выдающееся предвосхищение идеи обратной связи, как физиологическая предпосылка кибернетического синтеза.

Мы видим, таким образом, что характер осознанности или неосознанности исходного материалистического убеждения вовсе не является безразличным для исследования конкретных фактов, безразличным к творчеству ученого в конкретной области науки.

Научное постижение психики необходимо предполагает ее рассмотрение как деятельности определенного нервного субстрата, как совокупности процессов, которые осуществляются в сложной системе взаимодействия организма со средой. Положением о том, что психика неотделима от мозга, что она обусловлена внешним миром и имеет определенное жизненное назначение в реальном поведении, т. е. одной из основных идей естественноисторического материализма, и руководствоваться — не всегда последовательно — большинство естествоиспытателей.

Физиология в своем развитии обусловлена определенным методологическим диапазоном.

Механистическая методология, например, отразившая успехи такого раздела физического знания, как механика, не только вдохнула в физиологию жизнь, но и ограничила перспективы физиологического исследования. Этим и воспользовались апологеты идеалистического мировоззрения. С одной стороны, слабости механицизма стали для них своего рода питательной средой. С другой — они стремились увековечить механистический подход к организму и его функциям как якобы единственно научный.

Ложно истолкованные физиологические данные они использовали для борьбы против материалистического понимания природы в целом, а в эпоху начавшегося кризиса естествознания — для утверждения различных идеалистических версий о материи, ее физических свойствах, возможностях ее познания. Иначе говоря, *трудности, возникшие в одной из областей естествознания — в физиологии органов чувств и мозга, идеализм использовал для обоснования концепций, которые усугубили трудности в другой области естествознания — в физике, вступившей в полосу острых контроверз и ломки прежних понятий.*

Позитивизм (одним из его модных вариантов на рубеже века являлся махизм) претендовал на роль новейшей философии естествознания, пришедшей на смену якобы устаревшему материализму. Он постоянно манипулировал фактами, постулатами, гипотезами, почерпнутыми в трудах естествоиспытателей. В. И. Ленин объяснил смысл этих манипуляций, их несовместимость с реальными запросами научного прогресса. Решая эту важнейшую научно-идеологическую задачу, В. И. Ленин показал, что ложное истолкование махистами революции в физике имеет одной из своих предпосылок ложное истолкование фактов и выводов другого раздела естествознания — психофизиологии. Ленин выделил в этом разделе передовые тенденции, вскрыл факторы, препятствующие их реализации, наметил методологические ориентиры выхода психофизиологических исследований на новые рубежи.

Махизм в своих интерпретациях революционных сдвигов

в физике стремился доказать, будто он использует не обветшалое философское оружие, а научные данные, установленные психофизиологией.

Соответственно, развивая диалектико-материалистическое учение и показывая реакционность и несостоятельность махистской концепции, В. И. Ленин вскрывал не только ее истинную философскую подоплеку, но и ложность трактовки тех достижений и трудностей психофизиологии, которые махизм выставлял в качестве своей естественнонаучной опоры, а также заслона против стихийного тяготения естествоиспытателей к материалистическому мировоззрению. Иначе говоря, *рассматривая общую картину развития научно-философской мысли, В. И. Ленин придавал диалектико-материалистическому объяснению психофизиологических проблем не менее важное значение, чем проблем физических.*

Махизм стремился использовать затруднения психофизиологии для доказательства несостоятельности материалистической концепции познания, а это в свою очередь для идеалистических выводов из физики. В противовес этому В. И. Ленин показал, что махизм в ложном свете выставил подлинные основания прогресса психофизиологии, что этот прогресс изначально обусловлен той же методологией, которая веками определяет продвижение исследовательской мысли на всех линиях естественнонаучного фронта — методологией естественноисторического материализма.

Ленинские указания сохраняют актуальность и в наши дни, когда взаимосвязи различных направлений усложнились и умножились, когда глубинные внутренние сплетения различных потоков идей проявляются в бурном развитии междисциплинарных исследований. Психические функции становятся уже объектом не только естественнонаучного анализа, но и технического моделирования и инженерной практики.

Вместе с тем психофизиология во все большей степени становится одним из основных фундаментальных направлений в общем комплексе наук о человеке.

Огромное богатство фактического материала, накапливаемого в этой области, происходящие в ней коренные сдвиги в связи с внедрением новейших методов — электрофизиологических, биохимических, кибернетических, математического моделирования и др. — не только не снижает, но еще в большей степени повышает значение методологических исходных и объединяющих начал конкретной работы.

Ленинский анализ проблем психофизиологии позволяет осмыслить методологические основания этой работы, рассмотреть ее в исторической перспективе, понять истоки кризисных явлений и конфликтных ситуаций, повысить идейно-научный потенциал современных исследований.

Объективный и субъективный подходы к истолкованию психических явлений

Принцип отражения, будучи широким философским объяснением характера взаимоотношений познающего человека с объективным миром, предполагает определенный метод исследования этих взаимоотношений. Поскольку научный метод не навязывается извне предмету, но определяется его природой, а процесс отражения разворачивается в объективной системе отношений, то и метод исследования этого процесса может быть только объективным и никаким другим. Своеобразие отражения на уровне человеческого сознания состоит в том, что реальная вещь выступает перед субъектом в форме образа. Это, однако, не дает никаких оснований полагать, будто при исследовании субъективного образа объективный метод утрачивает силу и должен быть заменен особым методом внутреннего наблюдения.

Важность этого вопроса для психофизиологии очевидна. Речь идет о том, должна ли психофизиология развиваться в общей семье естественных наук или она вынуждена им измениться. Ведь для этих наук вопрос об ином методе кроме объективного вообще не ставится. Конечно, любой естествоиспытатель использует в своей работе показания органов чувств — ощущения. Но он никогда не предполагает, будто предметом его исследования служат возникающие в сознании образы, а не реальные свойства вещей. Если он замечает в телескоп какое-либо небесное тело, которое до него никто не видел, то его восприятие может быть проверено другими астрономами, подтверждающими, что он не галлюцинирует, а видит реальность. В качестве сигналов реальности, имеющих объективное значение, он и осознает свои ощущения и восприятия. Но психофизиолог находится в ином положении, чем астроном или физик. Изучая органы чувств и мозг, он интересуется функциями и продуктами этих органов, как таковых. Он исследует механизм познания вещей, а не сами вещи, имеющие определенную физическую структуру. Продукты же этого механизма — образы отличаются от вещей, ими познаваемых. Поскольку эти продукты воспринимаются субъектом, способным отвлекаться от внешнего и сосредоточиться на внутреннем — на своих мыслях и чувствах, появляется повод для утверждения, будто психофизиология должна оставить объективный метод и перейти к субъективному.

Приняв такую рекомендацию, которую с давних пор идеализм навязывает исследователям нервно-психических процессов, психофизиология вынуждена была бы покинуть почву естествознания и взять в качестве отправного пункта уже не

реальные предметы, запечатлеваемые в мозгу в процессе взаимодействия с ними реального организма, а субъекта, способного переключить «взор» своего сознания с внешнего на внутреннее, с реальности, данной нам в ощущениях, на воображаемые «чистые» ощущения.

Читатель отчетливо видит, что решающим здесь является именно отправной пункт. Все зависит от него. От чего отправляться психофизиологии? От взаимодействия организма с миром или от субъекта, способного наблюдать за своими психическими феноменами? В первом случае опорой для всех последующих шагов психофизиологической мысли служат принцип отражения и объективный метод. Во втором — психофизиология принимает сознание за первичное, а ее единственным методом оказывается субъективный.

Перед нами две генеральные тенденции, две основные линии в психофизиологии. Связь теории и метода выступает здесь совершенно отчетливо. Материалистическая теория естественно предполагает объективный метод исследования, хотя и не сводится к нему.

Две линии, о которых идет речь, не устарели, как показал В. И. Ленин, и в новых условиях, когда позитивизм предпринял попытку лишить смысла принципиальное различие между ними.

Все последующее развитие психофизиологии показало, что указанное различие вовсе не является порождением эпохи, когда во взглядах на деятельность нервной системы доминировал умозрительный подход, когда проверенных опытом знаний о нервной системе было несравненно меньше, чем общих соображений о ее работе. Напротив, *весь прогресс психофизиологии шел под знаком утверждения объективного метода* и преодоления неопределенных, а иногда и просто мифологических представлений, внесенных методом субъективным.

Ленин предварил свою работу «Материализм и эмпириокритицизм» историко-философским введением. Он назвал его «небольшой исторической справкой».

Ленинская «справка» является в действительности яркой характеристикой двух направлений в философии, определивших то различие между объективным и субъективным методами в психофизиологии, о котором мы только что говорили.

Ленин рассматривает взгляды двух наиболее представительных в XVIII в. лидеров двух главных философских школ — Беркли и Дидро. В. И. Ленин обращается к их взглядам с целью разъяснить, используя исторический опыт, научно-философскую ситуацию в начале XX в.

Беркли выступал как опровергатель материализма, Дидро — как критик идеалистической философии, вплотную подошедший, согласно ленинской оценке, ко взгляду современ-

ного материализма. Противоположность их позиций выступила во всей остроте и непримиримости. Эта противоположность захватывала основной вопрос философии: вопрос об отношении сознания к материальному бытию.

С противоположностью основных мировоззрений было связано и принципиальное различие в методах анализа психической жизни. Столкновение мировоззрений перекликалось с толкованием методов: субъективного и объективного.

Мы уже имели повод отметить, насколько существенным для исторического пути психофизиологии являлось расхождение в методах. Подход, который отстаивал Беркли, имел за собой в психологическом плане в качестве главной опоры субъективный или интроспективный (от лат. «смотреть внутрь») метод. Откуда возникла субъективно-идеалистическая догма, будто внешний мир всего лишь «комбинация ощущений»? Как и все другие разновидности идеализма, она имела определенные классовые и гносеологические предпосылки, указанные Лениным. Под гносеологическими предпосылками имеются в виду некоторые реальные моменты в познавательном процессе, получающие ложное преломление в философских спекуляциях.

Идеализм в его различных разновидностях выступал и до Беркли, и эти разновидности имели свои гносеологические корни. Каковы же были гносеологические корни субъективного идеализма Беркли? Они восходили к представлению о том, что единственным объектом ума служат не реальные вещи, а ощущения, т. е. элементы сознания.

В. И. Ленин цитирует первые строчки берклианского «Трактата об основах человеческого познания»: «Для всякого, кто обзревает *объекты* человеческого познания, очевидно, что они представляют из себя либо идеи (*ideas*), действительно воспринимаемые чувствами, либо такие, которые мы получаем, наблюдая эмоции и действия ума, либо, наконец, идеи, образуемые при помощи памяти и воображения...»¹.

Итак, объект познания — это не вещи, какими они существуют сами по себе, а идеи, появляющиеся благодаря действию различных психических способностей (чувств, эмоций, памяти, воображения и т. д.). Но откуда мог родиться подобный вывод — вывод, согласно которому ум человека не может иметь никаких других объектов, кроме доставляемых ему его же собственной психической деятельностью?

Очевидно, что лишь при одном условии, а именно если за исходное будет принята интроспекция — способность человека наблюдать не за окружающими его вещами, а за явлениями собственного сознания. Реальна ли эта способность? Да. Без нее человек не смог бы дать себе отчет в том, что он испытывает, что переживает. Но указанная способность, во-

¹ Цит. по В. И. Ленину. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 15.

первых, является не первичной, а производной от длительного развития сознания как в истории человечества, так и в истории отдельного индивида. Во-вторых, даже в тех случаях, когда человек сосредоточивается на собственных субъективных состояниях, он может дать себе отчет только в одном — в чувствах, эмоциях, стремлениях и т. п., но не в образах, как якобы лишенных предметного содержания элементах сознания, ибо такого рода элементов вообще не существует. Любой образ всегда предметен, т. е. всегда передает информацию о вещи, существующей независимо от него. Изымите эту информацию — и от образа не останется и тени. Поэтому субъективный метод, который для Беркли являлся отправным пунктом, не может иметь своим объектом идеи, как таковые, как беспредметные сущности. Такого рода беспредметные идеи (ощущения, мысли) вообще являются фикцией, созданной исходя из взгляда на интроспекцию как единственное орудие познания психических фактов. Именно фикцией, ибо действительное самонаблюдение человека, служащее ему в целях самоанализа собственной личности, самоконтроля за собственным поведением, непрерывно сопоставляет субъективное с объективным, личные переживания с реальными ситуациями. Интроспективная установка, которой руководствовался Беркли, оказала определенное влияние на психофизиологические исследования. Но прогресс этих исследований был обусловлен не субъективным, а объективным методом. Все дальнейшее формирование психофизиологических знаний показало лишь, что там, где ощущения и другие субъективные феномены соотносились с объективными физическими и физиологическими факторами, там, где эти феномены включались в цепь реальных, независимых от сознания причин, там и только там указанные знания начинали приобретать достоинство научных. Версия о беспредметных «чистых» ощущениях хотя и подогревалась различными идеалистическими доктринами как в XIX, так и в XX в., но она лишь тормозила развитие психофизиологии, а не стимулировала его.

Рассмотрим теперь, в чем состоял смысл объективного метода, идеи которого отстаивал в противовес Беркли глава энциклопедистов Дени Дидро. Это можно хорошо проследить по сочинению последнего «Разговор Деламбера и Дидро», которое анализирует в «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин. Если для Беркли исходное — это способность субъекта направлять свой внутренний взор на особые духовные сущности, то Дидро избирает совершенно иной способ объяснения. Пренебрегая генетическим подходом, можно принять рефлексию, внутренний опыт за исходное. Но такой подход с точки зрения рефлектирующего, следящего за собой сознания приемлем только для философа-идеалиста, тогда как перед взором естествоиспытателя сначала выступают процессы в неорганических, неосязающих массах и лишь затем, продвигаясь по ступеням организации, можно обнаружить возникновение из инертной материи способностей к жизни, ощущение, сознание.

Эти способности появляются и развиваются объективно в качестве порождений своего материального субстрата. И соответственно изучаться они должны так же объективно, как и другие свойства материи.

Для разъяснения своей мысли Дидро приводит известное сравнение ощущающего и мыслящего организма с фортепиано, ручным органчиком. Моделируя психику по типу деятельности музыкального инструмента, Дидро, с одной стороны, продолжал линию Декарта, который полагал, что изучение некоторых механизмов (например, часового механизма) позволит объяснить бессознательное поведение живых существ, не прибегая к понятию о душе, с другой — вносил новые моменты. «Мы, — писал Дидро, — инструменты, одаренные способностью ощущать и памятью»¹.

Как и Беркли, он принимает за первичный психический элемент ощущение. Но у Беркли ощущение — результат самоанализа, созерцание души своего внутреннего содержания. У Дидро же оно — продукт мате-

¹ Цит по В. И. Ленину. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 29.

риальной организации: «Наши чувства — клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа...»¹. С позиции, которую занял Беркли, невозможно объяснить ощущения. Их можно только описать, зафиксировать в качестве итога самонаблюдения. Напротив, позиция Дидро предполагает причинное объяснение механизма, производящего ощущения (как с точки зрения внутреннего устройства этого механизма, так и с точки зрения внешних факторов, вызывающих его работать).

Сопоставим теперь эти две позиции с последующими путями развития психофизиологии. Субъективный метод, который культивировал Беркли (как и другие философы-интроспекционисты), выводил исследование ощущений за пределы естествознания, в зыбкую область «внутреннего опыта», не имеющего никаких проверочных средств. Напротив, линия, которую отстаивал Дидро, требовала вводить ощущения в систему объективных причинных связей между внешними раздражителями и устройством организма. Поскольку же и эти раздражители (физико-химические процессы), и это устройство (анатомио-физиологическая конструкция), являются реальными объектами естествознания, доступными для строгого экспериментального изучения, то и ощущение не выступало более в качестве первоэлемента, не имеющего за собой никаких оснований, кроме способности субъекта к особому внутреннему наблюдению. Дидро наделяет свою механическую модель, наряду с ощущением, еще одной особенностью — памятью. Конечно, двести лет назад невозможно было предсказать появление машин, которые не только воспринимают, но и запечатлевают внешние сигналы с тем, чтобы в случае необходимости их воспроизводить. Но уже тогда, как мы это видим на примере Дидро, сила философской абстракции не только позволила выделить те признаки поведения живых существ, без которых неосуществима их целесообразная активность, но и утверждать, что указанные признаки воплощены в материальной организации, а не в мифологических «глубинах души». Опираясь на идею о том, что живое «фортепиано» обладает, наряду с ощущением, памятью, Дидро объясняет происхождение внутренних психических процессов из внешних.

Фортепиано, способное сохранить следы прежних звучаний, само начинает повторять арии, исполненные на его клавишах. Тогда-то и становится возможным патологический случай: «Был момент сумасшествия, когда чувствующее фортепиано вообразило, что оно есть единственное существующее на свете фортепиано и что вся гармония вселенной происходит в нем»². Это и был, согласно Дидро, случай Беркли.

При сопоставлении позиций Беркли и Дидро противоположность субъективного и объективного методов выступила во всей остроте и непримиримости.

Это была философская, методологическая непримиримость И, предвзято свой анализ эмпириокритицизма сопоставлением взглядов Дидро и Беркли, Ленин указывал, сколь важно рассматривать каждое новое философское явление в адекватной исторической перспективе. Вместе с тем мы видим, что непримиримость мировоззрений была органически связана с принципиальным различием методов. Субъективно-психологическому методу Беркли Дидро противопоставлял метод объективного анализа ощущений, памяти и других свойств материальной организации.

Тогда, в XVIII в., еще не существовало ни психофизиологии органов чувств и мозга, ни экспериментальной психологии. Эти науки возникли впоследствии. Их развитие явилось как бы судом истории над философским спором Дидро и Беркли.

Субъективно-психологический метод был осужден историей как чуждый естествознанию, ибо он исключал возможность исследовать ощущения и другие продукты сознания в системах причинных связей организма с реальной действительностью.

¹ Цит. по В. И. Ленину. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 29.

² Там же, стр. 31.

Ведь с точки зрения субъективного идеализма сама реальная действительность и взаимодействующий с ней организм не что иное, как комбинация субъективных феноменов — ощущений. Совершенно иные возможности открывал материалистический, научный метод. Он нацеливал на изучение материальных субстратов психики в их соотношении с внешними объектами, эффектами воздействия которых на указанные субстраты и являются ощущения. *Именно материализм создал ту идейную почву, на которой взошли ростки объективного метода, превратившего область психических функций в поле экспериментальной разработки.* Весь прогресс психофизиологии внутренне связан с расширением сферы приложения объективного метода, его совершенствованием и развитием, подчинением ему одной группы явлений за другой.

Этот закономерный процесс не был прямолинейным. В нем выделяется ряд узловых моментов, когда психофизиология переходила на новые рельсы и борьба вокруг ее проблем достигала крайнего предела. Сторонники субъективного метода и идеалистических взглядов на природу психики активизировались именно в эти узловые моменты формирования научных знаний о мозге и поведении.

Ленинская характеристика «физиологического» идеализма и ее идейное и научное значение

Анализируя «физический» идеализм, возникший в результате ложного гносеологического истолкования достижений физики, В. И. Ленин сопоставляет его с одним из направлений в физиологии органов чувств, названным в свое время Л. Фейербахом «физиологическим» идеализмом.

Как отмечал В. И. Ленин, идеализм знаменитого немецкого физиолога Иоганнеса Мюллера «состоял в том, что, исследуя значение механизма наших органов чувств в их отношении к ощущениям, указывая, например, что ощущение света получается при различного рода воздействии на глаз, он склонен был выводить отсюда отрицание того, что наши ощущения суть образы объективной реальности... «Связь» физиологии с философским идеализмом, преимущественно кантианского толка, долгое время потом эксплуатировалась реакционной философией. Ф. А. Ланге козырял физиологией в пользу кантианского идеализма и в опровержение материализма...

Что ряд крупных физиологов *гнул* в те времена к идеализму и кантианству, это так же бесспорно, как бесспорно и то, что ряд крупных физиков *гнет* в наше время к философскому идеализму. «Физический» идеализм, т. е. идеализм известной школы физиков в конце XIX и в начале XX в., так же мало «опровергает» материализм, так же мало

доказывает связь идеализма (или эмпириокритицизма) с естествознанием, как мало доказательны были соответствующие потуги Ф. А. Ланге и «физиологических» идеалистов. Уклон в сторону реакционной философии, обнаружившийся и в том и в другом случае у одной школы естествоиспытателей в одной отрасли естествознания, есть временный зигзаг, проходящий болезненный период в истории науки...»¹.

Дискуссии, связанные с положением И. Мюллера о «специфической энергии органов чувств», хотя и относятся преимущественно к прошлому науки, представляют вполне современный интерес, поскольку выдвинутая Мюллером трактовка «специфической энергии» до сего дня рассматривается многими зарубежными исследователями как теоретическая основа развития психофизиологии органов чувств. «Это единственная теория сенсорного качества, которая имела или которая имеется сейчас, если думать об основном принципе»², — писал известный американский историк Э. Боринг. Тем самым вновь и вновь воспроизводится некогда выдвинутая Ф. Ланге версия, будто не материалистическая, а кантовская философия (с которой учение И. Мюллера действительно было связано в своих идейных истоках) стимулировала успехи психофизиологии и составила ее методологическую базу. Идеинная борьба в естествознании рисуется многими зарубежными авторами как победное шествие идеализма.

Принципиально иная оценка этой борьбы сформулирована В. И. Лениным: «Ход развития естествознания, несмотря на все его шатания и колебания, несмотря на всю бессознательность материализма естествовников, несмотря на вчерашнее увлечение модным «физиологическим идеализмом» или сегодняшнее — модным «физическим идеализмом», отбрасывает *прочь* все системки и все ухищрения, выдвигая снова и снова «метафизику» *естественноисторического материализма*»³.

Ленинская оценка физиологического идеализма И. Мюллера служит замечательным образцом конкретно-исторического подхода к эволюции научного знания. Эта оценка позволяет восстановить действительную картину формирования представлений о нервно-психических функциях.

Ленинская характеристика «физиологического» идеализма требует прежде всего разграничить научное, объективное содержание установленных И. Мюллером фактов и ту философскую интерпретацию, которую он им дал. Во-вторых,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 322—323.

² E. Borning. Sensation and Perception in the History of Psychology New-York, 1942, p. 73.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18; p. 372—373.

выяснить, в чем состояла та крутая ломка прежних научных представлений, особенности которой стали гносеологической предпосылкой физиологического идеализма, в чем смысл идейно-научной борьбы вокруг концепции И. Мюллера.

Эта концепция сложилась в первой трети прошлого века, когда наметился переход к опытному изучению нервных субстратов, функцией которых является ощущение. Важнейшей вехой на этом пути явилось открытие Беллом и Мажанди различий в функциях центростремительных и центробежных нервов. Открытие, о котором идет речь, дало первую конкретную, опирающуюся на физиологический эксперимент, модель рефлекторной дуги. Его сравнивают по значению для физиологии с открытием кровообращения. Был установлен строго закономерный переход возбуждения с сенсорных (чувствительных) нервов на моторные (двигательные), осуществляемый посредством центральной нервной системы. Это открытие имело прямое отношение не только к учению о двигательных актах — рефлексах, но и к учению об органах чувств.

Выяснилось, что определенные нервы дают только один эффект — ощущение. Выявилась прямая зависимость ощущений от нервной организации. Материалистический характер этого вывода очевиден. Ведь ощущение представляет уже область не чисто нервной, а *нервно-психической деятельности*. Ощущение — исходный «кирпичик» всего здания душевной жизни. Признать его производным не от свойств души как особой бестелесной сущности, а от вполне и безусловно материальной нервной ткани значило отвергнуть исходные постулаты идеалистической философии. Кардинальный факт, выявившийся к началу XIX в, состоял в установлении зависимости сенсорных процессов от морфологически определенных нервных элементов — не только рецептора (что представлялось очевидным и прежде), но и проводящих путей, а также, как предполагали Прохазка, Белл и не очень уверенно И. Мюллер, определенных участков мозга. Этот факт говорил в пользу воззрения на психику как функцию мозга, подтверждал неотделимость психики от материальной организации.

Как пишет американский историк психологии Г. Мэрфи, взгляд на зависимость восприятия чувственных качеств от всего устройства нервной системы и ее специализированных частей, отразившийся в учении о специфической энергии органов чувств, «вел к физиологической психологии, в которой сознание и тело были еще более интимно соотнесены, чем в системах Гоббса, Гартли и Кабаниса»¹.

Такое важнейшее научное достижение, как установление специализированности нервной ткани, специфического характера ее реакций, и было ложно истолковано под влиянием кантианской философии И. Мюллером, сформулировавшим концепцию «физиологического» идеализма.

В. И. Ленин характеризует «физиологический» идеализм как «тенденцию одной школы естествоиспытателей... к идеалистическому толкованию известных результатов физиологии...»². Ложность позиции Мюллера выражалась в идеалистическом истолковании определенных результатов физиологии. Сами же эти результаты представляли в свое время новое и важное слово.

Чтобы определить ценность этих результатов необходимо обратиться к конкретному историческому контексту, к сопоставлению достижений

¹ G. Murphy. A historical Introduction to modern Psychology. New-York, 1949, p. 229.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 322.

нарождавшейся опытной физиологии органов чувств с представлениями, которые доминировали в предшествующую эпоху. Развитие физиологии в XVII—XVIII вв. шло в русле механистического материализма. Принятое механикой представление о детерминации физических процессов рассматривалось как идеал причинного объяснения всех жизненных явлений, в том числе и психических. Хотя такое воззрение, как уже отмечалось, в применении к органической природе и обнаруживало слабые стороны (использованные идеализмом, а в более специальной форме витализмом), оно служило мощным стимулом формирования научного знания о жизнедеятельности. Поступательное развитие этого знания необходимо должно было столкнуться с той качественно своеобразной «самостоятельной силой реагирования» (Энгельс), которая отличает органическое тело от неорганического. В области нервно-мышечной физиологии вторая половина XVIII в. характеризуется интенсивными поисками факторов, обуславливающих специфическую реакцию мышечной и нервной ткани (Галлер, Унцер, Прохазка и др.). Факт специфичности нервной ткани, деятельность которой необходима для возникновения чувственных восприятий, поставил под сомнение древнюю «теорию образов», принявшуюся в течение веков многими натуралистами. Согласно этой теории предполагалось, что от вещей отделяются «тонкие оболочки», которые проникают в мозг по каналам органов чувств. В несколько преобразованной форме эти взгляды сохранялись вплоть до начала XIX в. Так, например, Ламарк, высказавший в своей «Философии зоологии» (1809) немало интересных соображений по проблемам психофизиологии, придерживался той точки зрения, что каждый воспринимаемый нами предмет испускает особый тончайший материальный нервный флюид, который воспринимается органами чувств и по нервным каналам проводится в мозг. Сколь наивной с точки зрения современных взглядов на чувственное познание ни казалось бы эта теория, ее стержнем являлось материалистическое понимание ощущения как образа предметов внешнего мира.

Ошибочным, однако, было мнение о том, что чувственное познание предполагает перемещение в нервную систему физических копий материальных вещей.

Несовершенство таких представлений о механизме чувственного познания выявилось благодаря успехам самих естественных наук, накапливавших опытный материал о сложной системе нервных отношений, которая опосредствует зависимость чувственного восприятия от его материального прообраза. В этот период ломки прежних представлений и возникла школа «физиологических» идеалистов. На историю ее возникновения проливает свет ленинское указание о том, что реакционные философские выводы часто делаются в связи с прогрессом науки.

Прямая зависимость ощущения от нервного субстрата дала идеалистически настроенным физиологам повод утверждать, что эта зависимость является единственной, которую следует принять во внимание естествоиспытателю. Первичная обусловленность чувственного образа его внешним источником — объектом, сбрасывалась со счета, трактовалась как несущественная. В итоге все чувственные качества, все многообразие цветов, звуков и запахов считалось результатом высвобождения «энергий», изначально заложенных в органах чувств.

А так как ощущения — источник знания о реальности, то реальность превращалась в мираж, созданный нашей нервно-психической организацией. «У нас, — утверждал Мюллер, — не возникает посредством внешнего влияния ни один модус ощущений, который не мог бы появиться и без него»¹.

Некоторые зарубежные историки науки, характеризуя мюллеровские выводы как «плод антропоцентрической точки зрения, развитой в новой

¹ I. Müller. Handbuch der Physiologie, des Menschen, 1840, 4-e Aufl., S. 251.

философии от Декарта до Канта и Фихте»¹ и в то же время объявляя эти выводы «наиболее важным законом физиологии органов чувств в первые десятилетия XIX в.»², игнорируют идейно-научную борьбу вокруг принципа «специфической энергии».

Согласно приведенной выше ленинской характеристике «физиологического» идеализма, положение о «специфической энергии органов чувств» также мало опровергает материалистическое мировоззрение, как и установление делимости атома, как и любая другая естественнонаучная идея или гипотеза.

Попытки использовать эти идеи или гипотезы для критики материализма, для укрепления идеалистической версии о мире и его познании человеком несостоятельны.

Об этом свидетельствует исторический опыт. Именно исходя из этого опыта, из подлинной истории естественных наук, В. И. Ленин предсказывал неизбежность краха «физического идеализма», притом предсказывал это в годы, когда «физический» идеализм входил в моду среди части естествоиспытателей. Согласно Ленину, история возникновения и краха школы «физиологических» идеалистов как бы указывает школе «физических» идеалистов ее будущее.

В связи с этим Ленин отмечает, насколько важно адекватно представить историческую перспективу. Он подвергает резкой критике таких историков, как Ф. А. Ланге, который «козырял физиологией в пользу кантианского идеализма и в опровержение материализма...». С целью подкрепления идей реакционной философии историко-научными фактами Ланге в ложном свете выставлял действительный процесс эволюции физиологических знаний. Критика Лениным неокантианской интерпретации истории естественных наук в работах Ланге и противопоставление этой интерпретации принципиально иных оценок путей развития физиологии сохраняет свою актуальность и в наши дни, поскольку, как мы уже отмечали, ряд зарубежных историков по-прежнему, вслед за Ланге и другими, пытается представить идеалистическую философию в виде двигателя прогресса физиологии.

На первый взгляд речь идет о прошлом физиологии, о событиях почти вековой давности. Но мы уже имели возможность убедиться, что обращение к истории вопроса может представить острый актуальный интерес, когда прошлое науки рассматривается как один из моментов общего закономерного движения знания.

В этих случаях уроки истории приобретают важную прогностическую ценность, позволяют раскрыть факторы, действующие на протяжении всего исторического процесса, а не только на данном конкретном отрезке времени.

К числу этих факторов относится и взаимосвязь между

¹ E Boring. *Sensation and Perception in the History of Psychology*. New-York, 1942, p. 81.

² Там же.

философией (мировоззрением, методологией) и естествознанием. Ложное представление об этой связи в прошлом препятствует, как показал Ленин, ее верной оценке применительно к наличной ситуации в науке. Оно препятствует также выявлению тенденций идейного и научного развития.

Ленинская характеристика «физиологического» идеализма наметила новые ориентиры понимания генезиса этой школы, ее места в развитии физиологии органов чувств, причин ее распада.

Если обратиться к состоянию науки того периода, когда Мюллер выдвинул свой принцип, то нетрудно убедиться, что этот принцип вовсе не был единственной и неоспоримой концепцией в физиологии органов чувств. Мюллер выдвигал свою концепцию в противовес разработанным другими физиологами материалистическим представлениям о чувственном познании. Вместе с тем против Мюллера имела сильная оппозиция, и для многих физиологов факт специфического характера деятельности рецептора вовсе не имел силы аргумента, подтверждающего тезис об иллюзорности чувственных качеств внешнего мира.

Зависимость зрительных ощущений и восприятий от устройства соответствующих нервных аппаратов изучалась многими естествоиспытателями. Сама по себе идея об этой зависимости оказалась весьма плодотворной, позволившей выдвинуть ряд ценных гипотез и объяснений, в частности гипотезу Гельмгольца о том, что каждый элемент сетчатки снабжен тремя волокнами, возбуждение каждого из которых вызывает одно из основных цветовых ощущений (красного, зеленого или фиолетового цвета). В зависимости от степени возбуждения нескольких элементов возникает восприятие сотен цветов. Эта гипотеза (трехкомпонентная теория цветоощущений) строится на предположении о зависимости ощущений и восприятий от специфичности нервного субстрата — предположения, которое само по себе никакого идеализма не содержит.

До XIX в. изучение зрения и других видов чувствительности велось преимущественно математиками и физиками, определившими с точки зрения оптики ряд важнейших физических показателей деятельности глаза. В первые десятилетия XIX в. начинается интенсивное изучение деятельности глаза как физиологической жизненной функции. Идея о специфичности соответствующих нервных устройств позволила перейти от чисто физических объяснений к анатомо-физиологическим. Когда И. Мюллер выдвинул свой тезис о том, что качеству ощущения (красному, громкому, сладкому и т. д.) в реальности ничего не соответствует кроме «энергии» органа, это вызвало резкие возражения в кругах натуралистов. Первыми с критикой Мюллера (как теоретической, так и экспериментальной) выступили сторонники естествонаучного, материалистического взгляда на ощущение: чешский физиолог Ян Пуркине, русский натуралист А. А. Иовский, немецкий физиолог Э Вебер и другие естествоиспытатели. Предметом их критики явились претензии Мюллера на установление всеобщего закона деятельности органов чувств, недооценка им роли внешних раздражителей. Они критиковали тенденцию Мюллера к тому, чтобы превратить физиологию в питательную среду для идеалистической философии, против преувеличения субъективных моментов сенсорной деятельности, обособления нервных аппаратов в автономные единицы и трактовки этих аппаратов по типу неизменяемости видов в органической природе. Формулируя свою позицию в рецензии на вышедший в 30-е годы прошлого века «Учебник физиологии» Мюллера, Пуркине писал: «Мы не хотим, чтобы наша точка зрения оценивалась как идеалистическая. Мы считаем более действительной реальность вещей вне нас, и именно в том смысле, как это обычно понимается. А нашей первостепенной задачей является исследовать неделимость материального от психического вплоть до самых

высших функций. Поэтому мы принуждены принимать во внимание материальное существование мозга и органов чувств, так как мы исследуем здесь не какую-нибудь метафизическую систему мышления, а область опыта новой физиологии»¹.

Другой знаменитый физиолог той эпохи Э. Вебер, опираясь на собственные эксперименты и опыты ряда физиков и физиологов, также пришел к заключению, что факт специфичности сенсорной реакции не дает основания для тех выводов, которые сделал из него Мюллер.

Достижения физиологии существенно укрепили детерминистическое понимание нервно-психической деятельности, характер ее зависимости не только от устройства организма, но и от внешних раздражителей. Успехи эволюционной биологии утвердили новый подход к проблеме специфичности реакции нервной ткани. В свете идей дарвиновской теории кристаллизуются гипотеза о том, что специализированность функций нервной ткани не есть изначальное и непреходящее свойство, а возникает и изменяется в общем ходе биологической эволюции.

Известный зоолог Ранке отмечал еще в 70-х годах XIX в., что все шире прокладывает себе путь предположение, согласно которому ощущения органов чувств у простейших организмов недифференцированы, носят характер «общего чувства», которое расщепляется в дальнейшем на «специфические энергии». Последние, по Ранке, приобретаются под воздействием внешней среды, а не заложены в нервной системе изначально².

Нагель взамен понятия о специфической энергии вводит понятие «специфической диспозиции органов чувств как сложившегося в ходе филогенеза специального устройства, способного испытывать влияние определенного вида внешних процессов»³.

Многие физиологи приходят в дальнейшем к признанию зависимости от факторов эволюции не только специализированности рецепторов, но и соответствующих сенсорных зон в мозгу. «Каждый орган чувств, — писал Тигерштедт, — предпочитает определенные формы энергии и весьма вероятно, что в процессе развития животного мира органы чувств постепенно приспособлялись к этим адекватным формам раздражения, что под действием предпочитаемых форм раздражения постоянно дифференцировались и соответствующие нервные центры»⁴.

Сходный взгляд высказывал Гебер, который считал, что орган чувств в «анатомической тотальности» — от периферических окончаний до центра — надо рассматривать как адаптированный к внешним раздражителям»⁵.

Признание того, что специализированность нервной организации не дана изначально, как полагал И. Мюллер, а результат длительного развития, продукт приспособления живых существ к окружающей среде, имело важное преобразующее значение как для физиологической, так и для психологической науки.

Ощущение есть функция нервных структур. Дифференциации и специализации последних соответствует дифференциация функций, т. е. способности высокоорганизованной материи все более тонко и точно различать окружающий мир в форме ощущений и восприятий. Эволюционный подход ко-

¹ «Чехословацкая физиология», т. 1, № 3, 1952, стр. 248.

² I. Ranke. Beiträge zur der Lehre von der Übergangs — Sinnesorganen, «Zeitschrift für Wissenschaftliche Zoologie», Bd. 25, 1875.

³ W. Nagel. Vergleichendphysiologische und anatomische Untersuchungen über den Geruchs und Geschmackssinn, «Bibliotheca Zoologica», Bd. 18, 1894.

⁴ R. Tigerstedt. Lehrbuch der Physiologie des Menschen, Bd. 2. Leipzig, 1910, S. 77.

⁵ I. Kriess. - Allgemeine Sinnesphysiologie. Leipzig, 1923, S. 46.

ренным образом изменял взгляд на специфичность не только органов, но и производимых ими чувственных (познавательных) продуктов.

Эти продукты по-прежнему считались результатом деятельности нервной системы. Однако сама нервная система (подобно всем другим системам организма) выступала теперь перед взором естествоиспытателя не как носительница извечно присущих ей «энергий», а как переменная величина, в которой своеобразно отражена история вида. Естественно-исторические убеждения натуралистов, а не кантианские или другие идеалистические веяния обусловили переход к эволюционному пониманию органов чувств и их функций и тем самым к новому воззрению на факты, которые в свое время были выставлены Мюллером в качестве доказательства того, что воспринимаемое чувственное богатство мира будто бы не почерпнуто извне, а продуцируется самой нервной системой.

Мы остановились на развитии физиологического учения об органах чувств с целью проиллюстрировать значение ленинской характеристики «физиологического» идеализма для ответа на многие вопросы, перед которыми бессильны традиционные теории историко-научного процесса.

В условиях, когда все жизненные функции стали трактоваться под углом зрения их приспособительного характера, у натуралистов неизбежно возникла потребность по-новому понять и функции органов чувств. Идея о том, что ощущение возникает в результате раздражения нерва, сложилась уже в эпоху господства механистического воззрения. Теперь требовалось объяснить не только, как возникает ощущение, но и каково его биологическое назначение.

Каким образом процесс, возникающий внутри организма, внутри центральной нервной системы, становится средством ориентировки во внешних условиях, средством различения этих условий и т. д.?

Здесь как бы столкнулись две линии. Механистическая схема позволяла объяснить, как физические причины, действуя на физиологический аппарат, вызывают в нем в качестве эффекта психический процесс — ощущение. Биологический подход требовал разъяснить, как этот эффект обеспечивает успешное приспособление организма к изменчивой среде.

Необходимость примирить указанные два подхода привела к новой концепции, приобретшей известность под названием «теории иероглифов». Она получила широкое распространение на втором этапе развития психофизиологии.

Мы уже говорили о том, что вывод передового естествознания, согласно которому специфичность нервной реакции есть результат биологической эволюции, нанес сокручитель-

ный удар по «физиологическому» идеализму¹. Этот вывод укреплял материалистическое понимание ощущения, поскольку субстрат ощущения (нервное устройство) сам ставился в зависимость от задачи приспособления организма к внешним раздражителям. Оставался, однако, открытым другой вопрос: каков характер отношений между ощущением и внешним объектом? Из идеи приспособляемости нервной системы к внешней среде вовсе не следовал вывод о том, что между процессами, которые протекают в органах чувств, с одной стороны, и свойствами объектов внешнего мира — с другой, существуют отношения сходства, подобия и т. п.

Можно признавать, что ощущения — это не только рядка скрытой в органе чувств «специфической энергии», но и орудие различения внешних объектов и вместе с тем, признавая это, отрицать подобие между ощущением и объектом, доказывать, что между ними имеется соответствие типа знака, символа, иероглифа.

Именно такова была точка зрения Гельмгольца и других сторонников «теории символов». Стало быть, новые тенденции в физиологии органов чувств, хотя в известной мере и вели к преодолению мюллеровского «физиологического» идеализма, но все же, не устраняли недоверия к чувственному познанию, сохраняли барьер между внешним объектом и его образом. Не всем диалектическим материалистам в эту эпоху удалось заметить этот барьер. Даже такой выдающийся пропагандист марксизма в России, как Г. В. Плеханов, оказался в вопросе об ощущениях под влиянием взгляда на ощущения как на знаки, иероглифы свойств вещей.

Ограниченность «иероглифизма» была впервые убедительно показана В. И. Лениным в связи с критикой «теории символов» Г. Гельмгольца.

Ленинская критика «теории символов» (или иероглифов)

Если концепция Мюллера представляла «физиологический» идеализм, то взгляды Гельмгольца В. И. Ленин характеризовал как «иероглифический или символический ма-

¹ Следует отметить, что «физиологический» идеализм был также подвергнут критике «справа», со стороны таких крайних идеалистов, как Лотце, отвергнувших принцип специфической энергии за то, что ощущение, согласно этому принципу, есть продукт деятельности нерва, а не души.

териализм, или полуматериализм...»¹. Гельмгольц не был последовательным в своих взглядах. Придерживаясь в основном, в главном материалистической установки, он в некоторых важных теоретико-познавательных вопросах отступал от нее. Идеалистические, кантианские срывы Гельмгольца состояли в том, что он допускал, будто реальные объекты и наши представления о них — вещи совершенно различные. Вместе с тем он со всей определенностью утверждал, что наши понятия и представления по своему происхождению есть не что иное, как результат действия, которое производят на нервную систему *окружающие нас внешние предметы*. «Это — материализм», — резюмирует по поводу этого высказывания Гельмгольца В. И. Ленин².

С точки зрения борьбы партий в философии расхождение между позициями Мюллера и Гельмгольца принципиальное. Соответственно различались и конкретно-научные взгляды Гельмгольца и его учителя Мюллера на характер деятельности органов чувств.

Мюллер главный упор делал на зависимость субъективного образа (ощущения) от характера деятельности нервного аппарата, воспринимающего внешние раздражения, Гельмгольц же — на зависимость ощущения от внешней причины, т. е. на зависимость ощущений от физических раздражителей (акустических, оптических и др.). *И именно этот сдвиг в сторону выявления определяющей зависимости субъективных образов от физических причин и обусловил фундаментальные достижения Гельмгольца*. Вместе с тем очевидно, что такая ориентация работы Гельмгольца в свою очередь была обусловлена его определенной методологической установкой, а именно признанием безусловной реальности окружающего мира и возможности существования в нем животных и человека лишь благодаря тому, что органы чувств в общем правильно сигнализируют об окружающем.

Для Мюллера главное — корреляция ощущения с «энергией», дремлющей в нервном волокне, Гельмгольц же соотносит ощущения со свойствами внешнего раздражителя. Для непосредственного опыта чувственный образ (например, слуховой) выступает в виде нерасчлененного, недифференцированного целого. Невозможно понять, как возникает этот образ, если исходить из одних только переживаний субъекта, его непосредственных восприятий. Человек, воспринимающий различные звуки и тона (например, музыкальные), ничего не знает о тех сложных акустических и физиологических процессах, которые стоят за его восприятием. Это восприятие может осознаваться им как непосредствен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 248.

² Там же, стр. 245.

но данное. И если руководствоваться одним только субъективным методом, легко прийти к выводу о том, что ощущение есть первичное. Как мы знаем, субъективный метод культивировался идеалистической философией, тогда как объективный — естественными науками с их материалистической ориентацией.

Противоположность этих двух методов, ярко проявившаяся в столкновении сопоставленных В. И. Лениным взглядов Беркли и Дидро, о чем было уже сказано в специальном разделе, пронизывает всю историю психофизиологии.

Гельмгольц, развивая материалистические традиции психофизиологии, подошел к факту ощущения, руководствуясь объективным методом. Для него ощущаемое субъектом есть феномен, который требует объективного анализа внешних причин, производящих этот феномен.

Применительно к слуховым ощущениям необходим анализ звуковых волн — их длины, частоты и других физических (не зависящих от субъекта) характеристик, определяющих своеобразие воспринимаемого субъектом чувственного качества. Оценивая учение Гельмгольца о слуховых ощущениях, Сеченов писал, что своим «блеском оно обязано, помимо новизны и тонкости приемов исследования, тому согласию, которое установлено им между физической и чувственной стороной явлений»¹.

Установление согласия между физическим и чувственным или психическим, т. е. между объективной причиной и субъективным эффектом, было важнейшим достижением Гельмгольца и оно согласуется с принципами материализма, подтверждает, подкрепляет их. В этом отношении его взгляды отражали линию стихийного естественноисторического материализма и были противоположны линии махизма.

Однако, трактуя ощущения как результат воздействия внешних раздражений на органы чувств, Гельмгольц считал, что наши ощущения являются не образами реальных объектов, вызывающих эти ощущения, не их более или менее адекватным отражением, но лишь символами, знаками этих объектов.

Эту точку зрения воспринял Г. В. Плеханов, полагая, что таким образом можно вскрыть ошибочность махистских взглядов на ощущения. В его интерпретации ощущения — это иероглифы реальных объектов. В. И. Ленин справедливо заметил по этому поводу, что «от замены слова символ словом иероглиф дело не меняется»². Вместе с тем В. И. Ленин отметил противоположность философии Э. Маха «тео-

¹ И. М. Сеченов. Избр. философские и психологические произведения. М., Госполитиздат, 1947, стр. 367.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 245.

рии, по которой ощущения суть «символы» вещей (точнее было бы сказать: образы или отображения вещей)»¹ и в общем материалистический, хотя и недостаточно последовательный, характер этой теории. В. И. Ленин следующим образом разъяснял, в чем состоит тут непоследовательность. «Если ощущения, — писал он, — не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого сходства» с ними², то исходная материалистическая посылка Гельмгольца подрывается, подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры *таких* знаков или символов»³. Считать ощущения лишь символами, знаками реальных объектов, отвергать всякое сходство, всякую аналогию ощущений с объектами, вызывающими их, не признавать их образами реальных вещей — значит впасть в агностицизм, признать непознаваемость вещей, как таковых. Ведь если в ощущениях мы имеем лишь символы, знаки вещей, то ничего достоверного о самих вещах, их подлинных свойствах мы знать не можем. Такой вывод естественно напрашивался из «теории символов» (или иероглифов). «Я думаю, — писал Гельмгольц, — следовательно, что не имеет никакого смысла говорить об истинности наших представлений иначе, как в смысле *практической* истины. Представления, которые мы себе составляем о вещах, *не могут быть* ничем, кроме символов, естественных обозначений для объектов, каковыми обозначениями мы научаемся пользоваться для регулирования наших движений и наших действий. Когда мы научаемся расшифровывать правильным образом эти символы, — мы оказываемся в состоянии, при их помощи, направлять наши действия так, чтобы получать желаемый результат»⁴. Приведя эти слова Гельмгольца, В. И. Ленин писал: «Это неверно: Гельмгольц катится здесь к субъективизму, к отрицанию объективной реальности и объективной истины. И он доходит до вопиющей неправды, когда заключает абзац словами: «Идея и объект, представляемый ею, суть две вещи, принадлежащие, очевидно, к двум, совершенно различным мирам...»⁵. Так ошибочный взгляд на ощущения и идеи, на

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 34.

² В. И. Ленин имел в виду следующее высказывание Гельмгольца: «Поскольку качество нашего ощущения дает нам весть о свойствах внешнего воздействия, которым вызвано это ощущение, — постольку ощущение может считаться *знаком* (Zeichen) его, но не *изображением*. Ибо от изображения требуется известное сходство с изображаемым предметом... От знака же не требуется никакого сходства с тем, знаком чего он является» (Там же, т. 18, стр. 246—247).

³ Там же, стр. 247.

⁴ Цит. по В. И. Ленину. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 245.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 246.

продукты деятельности наших органов чувств привел Гельмгольца к агностицизму и к дуализму, к тому, что действительность оказалась расколотой на два различных мира.

В чем корень этого ошибочного взгляда? Ведь Гельмгольц, как мы отмечали, исходил из материалистической ориентации. Эта ориентация обусловила создание им физиологической акустики и физиологической оптики — двух дисциплин, ознаменовавших начало новой эпохи в развитии психофизиологии органов чувств.

Ошибки Гельмгольца в трактовке познавательной деятельности человека имели своей предпосылкой ограниченность механистического мировоззрения, механистической трактовки причинности, представление, что причинные связи между внешним миром и испытывающей его воздействием нервной системой тождественны взаимодействию тел в мире механики. С этих позиций становится невозможным понять специфику познавательного отношения между миром и мозгом. Слуховое ощущение, например, действительно ничем не напоминает звуковые волны определенной длины и частоты, и тем не менее с помощью звуков мы ориентируемся в окружающем мире. Однако, уловив сложность проблемы, Гельмгольц отказался признать наши ощущения образами вызывающих их предметов и сразу же оказался в тенетах агностицизма, когда утверждал: «Мы говорим, например, о растворимости вещества, т. е. о его отношении к воде; говорим о его весе, т. е. о его притяжении к земле; с тем же правом называем его синим, предполагая, как нечто само собою понятное, что в этом случае мы хотим только обозначить его действие на нормальный глаз»¹.

Иначе говоря, независимое от органа чувств бытие данных в ощущение качеств вещей объявлялось такой же бессмыслицей, как свойство растворимости вне отношения к жидкости. В результате и оказалось, что чувственный образ вещи и сама вещь были отнесены Гельмгольцем к разным мирам. Ведь, по его мнению, чувственный образ (например, зрительный) — это только «действие на нормальный глаз», ничем не отличающееся, например, от действия жидкости на растворимое вещество. Так, начав с попытки преодоления механистических воззрений и концепций в физиологии, Гельмгольц снова вернулся к механистическим представлениям. Чтобы вырваться из этого круга, необходимо было глубокое философское переосмысление самых основ мировоззрения.

Мы говорили уже в предыдущем разделе, что к «теории символов» Гельмгольца привело стремление согласовать представления о механизмах психической деятельности с новыми тенденциями в развитии биологии, побуждавшими принять во внимание приспособительный характер всех жизненных актов, в том числе и сенсорных.

В пределах трактовки ощущения, как эффекта воздействия физических раздражителей на органы чувств, идея механистического детерминизма еще могла в определенную историческую эпоху служить достаточным руководящим методологическим принципом. Но живое тело, в отличие от других тел природы, активно реагирует на внешние воздействия, причем адекватность этой реакции зависит от способности организма различать и учитывать свойства внешней среды.

¹ Г. Гельмгольц. Популярные речи, ч. 2. СПб, 1896, стр. 82.

Объяснение этой более высокой категории явлений было сопряжено с большими трудностями. Их-то Гельмгольц и пытался разрешить с помощью «теории символов».

Следует заметить, что эта теория пыталась преодолеть (оставаясь на почве механистического мировоззрения) ограниченность принципа специфической энергии органов чувств, бессильного объяснить роль ощущений в активном приспособлении целесообразных реакций живых существ в ответ на внешние воздействия. Однако раскрыть действительную познавательную ценность наших ощущений и восприятий она не могла.

Критически оценивая «теорию символов», В. И. Ленин противопоставлял ей диалектико-материалистическую теорию отражения. Эта философская теория придает естественнонаучному изучению деятельности органов чувств особую направленность, побуждает исследовать своеобразие познавательного отношения между мозгом и реальностью, рассматривать ощущение не только как результат действия внешнего источника, но и как отражение этого источника, его представительство в форме образа. Ленинская критика показала, к какой «вопиющей неправде» приводит подмена категории образа (отображения) внешнего предмета категорией символа, иероглифа. Неадекватная интерпретация работы органов чувств касается не только одного из разделов физиологии. Она ведет к огромным просчетам в объяснении всей картины мира.

Именно поэтому В. И. Ленин уделяет внимание не только критике «иероглифического материализма», но и характеристике идейно-научной борьбы, которая развернулась вокруг концепции Гельмгольца. Труды Гельмгольца в области психофизиологии ознаменовали новую эпоху в развитии этой научной дисциплины. Вместе с тем они говорили об ограниченности механистической методологии, о необходимости новых подходов к большим теоретическим проблемам, нерешенным Гельмгольцем.

Выход из противоречий, которые тяготели над Гельмгольцем, В. И. Ленин видел в том, чтобы стать на позиции теории отражения, перейти от «иероглифической» концепции к диалектико-материалистической.

Другое направление отстаивали сторонники махизма, выдавшего себя за «новейшую философию естественных наук». Они использовали трудности и противоречия психофизиологии для обоснования своих представлений о мире и путях его познания. Трудности психофизиологии не были фиктивными. Они носили реальный характер. Однако решения, которые предлагал махизм, вели естественнонаучную мысль не вперед, а вспять — к догмам берклианства.

Критика махистской интерпретации проблем психофизиологии

Мы охарактеризовали выше трудности, с которыми сталкивалась физиология органов чувств в различные периоды своего развития.

Это были прежде всего трудности методологические. Они группировались, как мы видели, преимущественно вокруг двух проблем: проблемы связи ощущений с их нервным субстратом и проблемы их зависимости от внешнего, объективного источника. Отметим историческую ограниченность в трактовке этих проблем. Физиология экспериментально установила обусловленность процессов ощущения устройством нервной системы. Это дало повод сделать вывод, что нервная система сама по себе служит конечным источником чувственной информации о мире.

Когда же дальнейший ход исследований вынудил соотнести чувственную информацию не только со строением нервной системы, но и с внешними объектами (о которых ощущения подают весть сознанию), то ошибочный взгляд на ощущения, как на знаки, а не образы, превращал органы чувств из орудия непосредственной связи мозга с действительностью в китайскую стену на пути постижения этой действительности.

Мы видели также, что исторический путь физиологии органов чувств не оставляет сомнения в том, что эта новая научная дисциплина имела в качестве своей определяющей идейной основы не постулаты идеалистической философии, а принципы естественноисторического материализма. Именно эти принципы стимулировали главные достижения психофизиологии, ее быстрое развитие, создание таких направлений как физиологическая оптика, физиологическая акустика и др.

Формирующаяся под знаком материалистических идей физиология органов чувств в свою очередь укрепляла материалистические естественнонаучные представления о человеке, об инструментах его познавательной активности. Попытки идеалистов представить ощущения и другие психические процессы в виде порождений особой сущности — души, а не тех нервных аппаратов, над которыми экспериментируют физиологи в своих лабораториях, встречали самую решительную оппозицию в широких кругах естествоиспытателей. Отражая идейные веяния, господствовавшие в этих кругах, немецкий натуралист Бемер писал, что идеализм, полностью расчленив нервное (физиологическое) и психическое, ставит физиолога в положение человека, который черпает воду корзиной, наблюдая при этом, как вода протекает сквозь дырявое дно¹. Общее убеждение в реальности внешнего мира и теснейшей связи с этим миром нервно-психической организации человека не покидало физиологов и тогда, когда они ошибочно полагали, что ощущения являются лишь символами, знаками реальных объектов, вызывающих эти ощущения.

Следует всегда различать объективную ценность научных фактов и

¹ Н. Böhm er. Die Physiologische Theorie der Sinneswahrnehmung von Standpunkt der Psychophysik. Erlangen, 1865, S. 322.

выводов и их интерпретацию теми или другими исследователями. Объективно достижения физиологии укрепляли и обогащали научные представления о механизмах психической деятельности. Отдельные же исследователи, внесшие непреходящий вклад в укрепление этих представлений, нередко высказывали положения, которые идеализм истолковывал как отрицание материальной обусловленности психики. Так, например, Гельмгольц утверждал, что приурочение психических процессов к нервным само по себе нисколько не решает вопроса о душевной деятельности. «Если бы кто захотел, — писал он, — отнести эти процессы ассоциации и естественного течения представлений не к душевным деятельности, а к проявлениям нервного вещества, я не стал бы спорить из-за названия»¹. По мнению Гельмгольца, спор о том, являются ли ассоциации представлений и прочие психические процессы деятельностью души или мозга носит чисто словесный характер (стоит ли спорить о словах?). В действительности же то или иное решение этого вопроса выражает коренную противоположность материалистической и идеалистической методологии, ибо направление научного мышления исследователя зависит от его исходной позиции. Считать психические явления продуктом души — значит искать их закономерности вне организма и его реальных связей с внешним миром. Напротив, считать психику функцией мозга — значит направить усилие исследователя на ее изучение в неразрывной связи с лежащими в ее основе нервными актами.

Именно такова задача научного психолога, как ее сформулировал В. И. Ленин.

Отступления крупных естествоиспытателей от материалистического понимания мозга и психики на все лады использовались идеалистическим лагерем. Представители этого лагеря спекулировали как на непоследовательности и противоречивости мировоззрения натуралистов, так и на реальных трудностях научных исследований. Истинный смысл этих спекуляций был убедительно показан В. И. Лениным. Махизм стремился подорвать материалистические устои всего естественнонаучного фронта, использовать ослабление позиций на любом из его участков.

Соответственно задачей диалектико-материалистической философии на новом этапе явилось раскрытие «обходных маневров» идеализма, с одной стороны, выявление действительных тенденций естествознания, факторов его прогресса — с другой.

В. И. Ленину принадлежит историческая заслуга решения этой задачи. *Именно В. И. Ленин вскрыл несостоятельность махистских интерпретаций трудностей естествознания в целом — не только физики, но и психофизиологии в запутанной и сложной идейно-философской ситуации конца XIX — начала XX в.*

Противоречия в содержании и направленности психофизиологических исследований в тот период приобрели резко антагонистический характер. В. И. Ленин приводит следующую сводку из работ знаменитого натуралиста Эрнста Гек-

¹ Н. Helmholtz. Handbuch der physiologischen Optik, 1-e Aufl. Leipzig, 1867, S. 804.

келя, содержащую, по мнению В. И. Ленина, «наиболее интересные пункты сопоставления» двух теорий познания: монистической и дуалистической.

«Монистическая теория
познания:

Дуалистическая теория
познания:

3. Познание есть физиологическое явление; анатомический орган есть мозг.

4. Единственная часть человеческого мозга, в которой находится познание, есть определенная часть мозговой коры, фронэма.

3. Познание не есть физиологическое явление, а процесс чисто духовный.

4. Та часть мозга, которая кажется функционирующей в качестве органа познания, на самом деле есть лишь инструмент, помогающий проявлению интеллектуальных феноменов»¹.

Мы видим, что речь идет о теории познания, о гносеологии, т. е. о философском направлении. Однако в каждом из пунктов представлены положения, непосредственно относящиеся к психофизиологии, к характеристике мозга, его устройства, функций его клеток, отношений этих клеток к психической деятельности.

Геккель по оценке Ленина, в своем сопоставлении монистической и дуалистической теорий познания *«издевается над всеми идеалистическими, шире: всеми специально философскими ухищрениями, с точки зрения естествознания, не допуская и мысли о том, будто возможна иная теория познания, кроме естественноисторического материализма. Он издевается над философами с точки зрения материалиста, не видя того, что он стоит на точке зрения материалиста!»*².

Сопоставление взглядов Геккеля со взглядами Маха, Авенариуса и других махистов, которое сделал В. И. Ленин, убедительно показало, что с точки зрения естествознания все учения махизма о том, что мозг не есть орган мысли, что ощущения не суть образы внешнего мира, что материя не есть объективная реальность и т. д., представляют собой сплошную философскую тарабарщину. «...Сто тысяч читателей Геккеля, — писал Ленин, — означают сто тысяч плевков по адресу философии Маха и Авенариуса...»³.

Но воззрения многих физиологов не отличались свойственной Геккелю убежденностью и непримиримостью. Противоречия в представлениях этих физиологов дали идеалистам повод заявить, что физиологический анализ психической деятельности представляет «трагическое зрелище саморастерзания». В России в 1888 г. в журнале «Вера и разум»

¹ В. И. Ленин Полн собр. соч., т. 18, стр. 373.

² Там же, стр. 374.

³ Там же.

профессор духовной академии М. Остроумов опубликовал серию статей «О физиологическом методе в психологии». Приведя ряд противоположных положений, высказанных в физиологических исследованиях мозга (Сеченовым и др.), с одной стороны, в физиологических исследованиях органов чувств (Вундт и др.) — с другой, он злорадно писал:

«Живо я представляю себе голову иного современного физиолога, разделенную перегородкою на два ящика, из коих в одном лежит физиология мозга или да, а в другом физиология органов чувств или нет. Голова эта спокойно гремит своими ящиками и не замечает, что одна половина в ней сама по себе, другая тоже сама по себе, и обе — друг против друга»¹.

Не зная о своем европейском единомышленнике — Э. Махе, который хотя и был профессором физики, а не богословия, но пришел к сходным выводам, Остроумов резюмировал: «Современная физиология органов чувств ведет нас к тому результату, к которому двести лет назад пришел Берклей — именно, что мы знаем только свои идеи или восприятия, основанные на ощущениях»².

Потребность в монистическом мировоззрении остро ощущалась многими естествоиспытателями. Нарастала неудовлетворенность выдвинутыми в предшествующий период теоретическими схемами, когда дуалистически решался вопрос о соотношении нервного и психического процессов, а также об отношении образа и отображаемой им вещи. Дуализм разьедал ткань научного мышления, создавал мировоззренческий тупик. Дуализм в свою очередь был теснейшим образом связан с методологией механицизма.

Выше отмечалось, что сама логика развития естественных наук вела к преодолению механицизма. Исключительно важными в этом плане были успехи эволюционной теории. Она преобразовывала склад мышления во всех разделах биологии, в том числе и в физиологии органов чувств. Эволюционный подход, как мы уже говорили, побудил по-новому интерпретировать специфичность нервно-психической реакции, ее зависимость от приспособления организма к среде и т. д. На эволюционное учение в биологии опирался и Э. Геккель, отстаивая монистическую теорию познания в противовес дуалистической.

Махизм также выступал с претензией на монистическое решение проблемы материи и сознания. Он не жалел слов на обличение дуализма. Но если Геккель и другие передовые естествоиспытатели брали в качестве исходного и опорного пункта монистического мировоззрения биологию с ее опытными методами, детерминистическим подходом к жизненным явлениям, то для махизма исходной являлась диаметрально противоположная позиция. Махизм шел не от предмета естествознания — развивающейся природы, а от ощущений как конечных элементов. Он утверждал не объективный, а субъективный метод.

Геккель отбрасывал философскую метафизику с точки зрения натуралиста. Но он был стихийным материалистом. Он пропагандировал материализм, «не видя того, что он стоит на точке зрения материалиста». Поэтому его работы, сыгравшие исключительно важную роль в борьбе за передовое мировоззрение в эпоху наступления идеалистической реакции, не могли вскрыть истинный смысл псевдомонизма махистской философии, не могли показать, что «философия ес-

¹ М. Остроумов. О физиологическом методе в психологии. Харьков. — «Вера и разум». 1888.

² Там же.

тествоиспытателя Маха относится к естествознанию, как целуей христианина Иуды относился к Христу»¹.

Геккель выразил умонастроения большинства натуралистов, но, чтобы разрушить построения эмпириокритиков, недостаточно было методологии естественноисторического материализма, которой был верен Геккель. Лишь с позиций материализма диалектического открывалась возможность показать, что махистская философская конструкция вопреки ее претензиям является дуалистической, что попытки утвердить монизм за счет духа, а не объективной реальности представляют измену естествознанию, что они несовместимы с научным прогрессом. Именно В. И. Ленин был в ту эпоху единственным философом-марксистом, наметившим принципиально иные методологические ориентиры решения научных проблем, трудности разработки которых использовал махизм. Именно В. И. Ленин раскрыл фиктивность того способа «преодоления» дуализма, который проповедовали эмпириокритики. «Дуализм», — подчеркивал Ленин, — оказывается опровергнутым *идеалистически* (несмотря на весь дипломатический гнев Авенариуса против идеализма), ибо ощущение и мысль оказываются не вторичным, не производным от материи, а *первичным*. Дуализм опровергнут здесь Авенариусом лишь постольку, поскольку «опровергнуто» им существование объекта без субъекта, материи без мысли, внешнего мира, независимого от наших ощущений, т. е. опровергнут *идеалистически...*²

На всех предшествующих этапах своего развития психофизиология искала закономерные отношения между чувственными образами и их материальными — физическими и физиологическими — коррелятами. Под предлогом борьбы с дуализмом, «удвоением мира», т. е. разделением его на психическое и физическое, эмпириокритики отвергли «элементарную истину физиологии» о том, что мысль есть функция мозга, что ощущение суть функция центральной нервной системы человека. Они дошли до нелепого отрицания того, что зрительный образ дерева есть функция сетчатки, нервов и мозга. Мах, как показал В. И. Ленин, несмотря на все ухищрения представить свою систему взглядов основанной на самоновейших достижениях естествознания, философией современной науки утверждал, что согласно его точке зрения ощущения не только не образы, но даже не символы вещей. Напротив сами вещи, или тела, по Маху, представляют собой только комплексы ощущений.

Дуализм, по мнению махистов, порожден тем, что ощущение как элемент «полного опыта» «вкладывается» в нервную систему. И тогда

¹ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 18, стр. 369.

² Там же, стр. 87—88.

становится непонятным, как можно соотнести то, что происходит в организме, с тем, что происходит во внешней среде, как перейти от ощущения к самому предмету.

Мы отмечали выше, что механицизм привел ряд физиологов к представлению о том, что ощущение как нечто присущее нервной системе может быть только знаком внешних объектов, но не их образом.

За этим выводом стояло кантианское противопоставление сознания внешнему миру, между которыми выросла пропасть. Как показал Ленин, преодолеть ее можно лишь при одном условии — признав ощущение, представление, мысль различными формами отображения реальности в человеческом мозгу. Авенариус же и другие махисты выдвигали проект изъятия из мозга его психических содержаний. Такой диверсии против естественнонаучного понимания работы мозга еще никогда не совершалось. Вся предшествующая упорная работа физиологии по применению объективных и экспериментальных методов к изучению психических функций мозгового вещества обесмысливалась. И все это делалось под прикрытием деклараций о несостоятельности дуализма. Неприемлемость дуализма действительно повсеместно обнаруживалась в психофизиологии благодаря конкретным достижениям этой науки. Можно было отвергнуть различие между субъектом и объектом, субъективным образом и объективной вещью — пример чему был подан еще в XVIII в. Беркли. Этим путем пошли эмпириокритики. Имелся и другой путь. Он предполагал развитие и углубление передовых традиций психофизиологии, добывавшейся на протяжении всей своей истории успехов лишь тогда, когда она следовала методологии естественноисторического материализма. Важнейшим принципом этой методологии является идея о том, что психическая деятельность осуществляется только посредством материального органа — мозга и что эта деятельность детерминирована внешним миром. Принципы, о которых идет речь, служили руководящими для физиологии органов чувств во все три периода развития этой дисциплины, рассмотренных Лениным, — и в эпоху ее зарождения, когда новые результаты были ложно интерпретированы «физиологическим» идеализмом, и в середине века, когда неспособность объяснить зависимость образа от вещи привела к «иероглифическому» материализму, и на рубеже XX столетия, когда противоречия в физиологии центральной нервной системы, ее потребность в монистическом осмыслении фактов эксплуатировалась махистами.

Противопоставив махистским попыткам выдать свою критику «удвоения мира» за решение реальных проблем, В. И. Ленин указал, что подлинное направление прогресса физиологии лежит не в плоскости идеалистических философских спекуляций, а в дальнейшем укреплении естественноисторической методологии, присущей наукам о природе изначально. Преобразование этой методологии из неосознанной, стихийной (и потому непоследовательной, тающей опасность дуалистических ошибок) в осознанное и адекватное осмысление присущих естествознанию идейных начал означает, согласно Ленину, переход на позиции диалектического материализма.

Материалистический монизм и теория отражения

Для понимания путей развития психофизиологии и анализа ее коренных проблем особо важное значение имеют два принципа диалектико-материалистической философии: принцип материалистического монизма и принцип отражения, развитый в ленинской теории отражения. Согласно принципу материалистического монизма истинное единство мира выражено в его материальности.

То высшее свойство материи, которое называется психикой, ни по своему бытию (т. е. онтологически), ни по своей познаваемости (т. е. гносеологически) не может быть оторвано от других проявлений бытия, противопоставлено им. Поэтому там, где предметом естественнонаучного анализа становится указанное свойство, познающая мысль должна руководствоваться теми же критериями, на которые она опирается, проникая в чисто физические процессы, т. е. объективным, причинным подходом. Только лишь подход к психическим функциям мозга с позиций материалистического монизма позволяет адекватно решить вопрос о том, каково место психического среди других явлений природы.

Материалистический монизм противостоит дуализму, полагающему, будто психическое занимает уникальное, ни с чем несравнимое положение во Вселенной и лишено всех определений, свойственных объектам естествознания. Дуализм же является, как это показано В. И. Лениным, не только противником цельного научного мировоззрения, но и главным препятствием к конкретному анализу психических явлений, к определению их действительной роли в поведении живых существ. Неприемлемость дуализма, расколовшего природу на две несовместимые и несопоставимые сферы, стала в то время остро ощущаться не только убежденными сторонниками материализма, но и многими естествоиспытателями, не определявшими открыто свое философское кредо.

Как мы уже говорили, что на этой тяге к цельному мировоззрению и спекулировал эмпириокритицизм, представлявший себя противником «удвоения мира», обособления психического от физического и сторонником строгого следования за «опытом».

В эпоху бурного расцвета естествознания, с его опытными методами и установкой на непрерывный экспериментальный контроль гипотез, идей, абстрактных конструкций, концепции, выступавшие под знаменем эмпиризма, непосредственного опыта, казались созвучными устремлениям натура-

листов. В этом состояла их большая опасность. Ленин показал, что водораздел между естественнонаучным и несовместимым с ним идеалистическим подходом проходит не по линии противопоставления рационализма и эмпиризма, а по совершенно другому разграничительному признаку. Он показал, что за декларациями эмпириокритиков стоял все тот же закоренелый дуализм. Попытки подвести психическое и физическое под «общий знаменатель», означали не что иное, как возвращение к берклианству с его постулатом тождества ощущения и материальной вещи, т. е. к одному из вариантов идеалистического монизма. «Никакие увертки, никакие софизмы (которых мы встретим еще много множество) не устранят того ясного и неоспоримого факта, — писал В. И. Ленин, — что учение Э. Маха о вещах, как комплексах ощущений, есть субъективный идеализм, есть простое пережевывание берклианства. Если тела суть «комплексы ощущений», как говорит Мах, или «комбинации ощущений», как говорил Беркли, то из этого неизбежно следует, что весь мир есть только мое представление»¹.

Как ощущение, так и мышление представляют производное, а не первичное. Поэтому ни то ни другое не может быть принято за основание материалистически-монистического взгляда на мир. В качестве этого основания в диалектическом материализме выступает реальная действительность, природа, как таковая, существующая независимо от сознания человека. Иначе говоря, единство мира состоит в его материальности. Природа является объектом естественных наук, и соответственно построение монистической картины мира, охватывающей в целом воззрении как физическое, так и психическое, может лишь тогда вестись успешно, когда базируется на фактах и выводах естествознания. Между тем для естествознания середины XIX в., в том числе и для психофизиологии, путеводной звездой служил физико-химический способ объяснения, причем физика той эпохи являлась по-своей общей ориентации механистической.

Ленинское исследование кризиса в естествознании объясняет, почему именно ограниченность механицизма служила гносеологической почвой ложных философских выводов.

Софизм идеалистической философии состоял в том, что механистический взгляд, который к тому времени все основательнее расшатывался на различных участках естественнонаучного фронта, выдавался за единственно возможный способ детерминистической интерпретации природы. Поскольку же слабость механицизма, его неспособность справиться с назревающими проблемами становилась все более очевидной, то идеализм изображал эту слабость как свидетельство ограниченности естествознания вообще, а не его механистических концепций.

Вслед за этим идеализм совершал второй шаг: там, где механисти-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 35.

ческий подход оказывался непригодным на роль теории, позволяющей преодолеть трудности, порожденные самим прогрессом научных исследований, выдвигались идеалистические схемы. Им и приписывалось монопольное право на выработку монистического воззрения.

Следует отметить, что в пределах механистического подхода (а идеализм утверждал, будто ни на какой другой подход естественнознанию претендовать не следует) монистическое воззрение действительно недостижимо. Это видно уже на примере так называемой психофизической проблемы, т. е. проблемы взаимоотношений между психическими и физическими процессами.

В борьбе с естественнонаучным воззрением на природу нервно-психических явлений идеалистическая философия применяла двойную тактику. Используя кризис механистических схем, она утверждала, будто физическое и психическое несопоставимы ни в одном мыслимом отношении. Утверждалось, будто идеал естествознания состоит в том, чтобы свести все существующее к механике атомов. Поскольку же психическое не может быть объяснено расположением или движением материальных частиц, то естественные науки должны раз и навсегда отказаться от каких бы то ни было попыток перебросить мост между природой и духом, материей и сознанием. Вся эта аргументация воспроизводила давние догматы дуализма. Еще Лейбниц в свое время писал, что если представить мозг в виде большого механизма, скажем мельницы, и предположить, что, войдя внутрь этого механизма, человек начнет рассматривать его устройство, то кроме толкающих друг друга частей он там ничего не найдет. Никакого восприятия, никакой мысли среди взаимодействующих частей не обнаружится.

Но наряду с этим тактическим приемом махизм применял и другой. Физическое и психическое провозглашались «сотканными» из одного и того же материала. Пресловутые «элементы» Маха трактовались в качестве якобы нейтральных по отношению к разграничению материи и сознания. В действительности же, как показал В. И. Ленин, речь шла ни о чем другом, как все о том же психическом, переименованном в «нейтральные» ощущения, «нейтральный» опыт и т. д. С помощью такого приема махизм лишь на словах декларировал преодоление дуализма, уничтожение пропасти между физическим и психическим и достижение мнимого «единства» мира. Поскольку второй вариант стал в рассматриваемую эпоху наиболее модной разновидностью идеалистической философии, В. И. Ленин особое внимание уделил раскрытию истинного смысла эмпириокритического камуфляжа, несостоятельности его претензий на сокрушение дуализма и на превращение вопроса о том, что является первичным, а что производным — материя или сознание — в псевдопроблему.

Вопрос, о котором идет речь, показал Ленин, также разделяет философские направления в новейшее время, как и на всем протяжении истории философии.

Устареть он никогда не устареет, ибо в гносеологическом плане сознание всегда будет противостоять независимой от него объективной реальности.

Своеобразие отношений сознания к реальному миру может быть понято во всей сложности и противоречивости только с позиций диалектического материализма. В противовес махистской концепции «нейтральности» материального и духовного В. И. Ленин настаивает на их гносеологическом противопоставлении, без которого теряет смысл различие между материализмом и идеализмом.

Отмечая неточность высказываний материалиста И. Диц-

гена, Ленин писал: «Назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом»¹. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что противопоставление материи духу «не должно быть «чрезмерным», преувеличенным, метафизическим...»². В подчеркивании относительности, а не абсолютности этого противопоставления Ленин видит большую заслугу Дицгена. «Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой»³.

Дицген, разъясняя материалистическое учение о «головной работе человека», отмечал, что человеческий орган познания — это кусок природы, отражающий другие куски природы. Он говорил о «зеркальноподобном инструменте», который отражает вещи реального мира.

Цитируя эти высказывания Дицгена в защиту материалистической теории познания, В. И. Ленин вместе с тем отклоняет те формулировки, которые могут дать повод игнорировать принципиальное гносеологическое различие между материальным и духовным.

Попытку преодолеть дуализм мозга и сознания предприняли вульгарные материалисты. Они решили разрубить сложный узел противоречивых мнений вокруг вопроса о соотношении психики и материи одним ударом — отождествить сознание с физиологическими процессами в мозгу. На первый взгляд тем самым восстанавливалось единство сознания и бытия: в мире нет ничего, кроме механического движения материальных частиц, и мыслительная активность представляет лишь одно из проявлений этого универсального движения. Однако подобный взгляд являлся фиктивным решением проблемы. Он строился на предположении о том, что мозг является своего рода энергетической машиной. Но из энергетике мозга никакими силами невозможно извлечь воспроизводимое в образах богатство предметного мира.

Механистический материализм ни в одном из его вариантов не может раскрыть подлинное внутреннее единство всех проявлений материи — духовных и телесных. Для этого нужна иная методология, а именно, как убедительно показал В. И. Ленин, диалектико-материалистическая. Не отрицая реальности различий между психическими и физиологическими процессами, она намечает пути трактовки действительного характера этих различий. Психическое — это не особое начало, отделенное пропастью от телесного бытия. Раскрытие природы психического предполагает изучение функций органов чувств и мозга — тех материальных аппаратов, деятельность которых производит психические процессы и состояния.

Весь последующий ход развития психофизиологии показал, что главные достижения в этой области знания были обусловлены преодоле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 257.

² Там же, стр. 259.

³ Там же.

нием как вульгарно-материалистических, так и идеалистических представлений.

Но что означало преодоление тех установок, о которых идет речь и которые в свое время воспринимались как два полюса, на веки вечные ограничивающие амплитуду движений научной мысли? Прежде всего оно требовало разрушить традиционные системы представлений как о физическом, так и о психическом. Пока предполагалось, будто возможности познания телесных процессов ограничены сферой механического движения, а возможности познания психических процессов ограничены сферой переживаний субъекта, никакого существенного продвижения психофизиологической мысли не могло быть достигнуто. Идеализм был заинтересован в том, чтобы увековечить эту ситуацию. Но вопреки идеалистическим устремлениям нарастали сдвиги в понимании как организма, так и его психических функций.

Достижения эволюционной биологии преобразовали взгляд на организм. В нем видели теперь гибкое, приспособляющееся к среде устройство. Психика же представлялась не в виде замкнутого внутреннего мира, а как система направленных на внешнюю среду жизненных функций.

Вместе с тем, чтобы объяснить, не покидая почвы материалистического монизма, в чем же состоит истинный смысл различий между объектами, изучаемыми науками о физическом мире, и психофизиологией, нужно было раскрыть существенные признаки, свойственные психофизиологическим процессам, как таковым. Определяющий признак психического, согласно Ленину, состоит в отражении, т. е. в построении с помощью нервных аппаратов и в процессе практической деятельности более менее совершенных образов (чувственных и умственных) движущейся материи.

В марксистско-ленинском учении идея о том, что единство мира состоит в его материальности, нераздельно связана с принципом отражения. Их внутренняя связь является краеугольным камнем диалектико-материалистического мировоззрения. Любая попытка отступить от этих кардинальных принципов неминуемо ведет не только к ложным философским построениям, но и к тупиковым ситуациям в разработке основных проблем нервно-психической деятельности. Как только отступают от принципа материалистического монизма, психическое сразу же из функции мозга становится особой сущностью, отношение которого к материальному субстрату становится совершенно непостижимым. Как только отступают от принципа отражения, то даже в тех случаях, когда признается неотделимость психики от мозга, её производность от телесного устройства, становится невозможным объяснить, каким образом все многообразие реального мира может быть выведено из взаимодействия нервных импульсов.

Мы приводили выше ленинскую характеристику естествонаучного материализма. В. И. Ленин указывает два положения, которые для этого могучего направления являются определяющими: а) убеждение в объективной реальности внешнего мира и б) убеждение в том, что эта реальность отражается нашим сознанием. В неосознанном, философски неоформленном виде идеи материалистического монизма служили направляющим фактором научных исканий подав-

ляющего большинства естествоиспытателей. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал неразрывную связь стихийного материализма естественников с философским материализмом как направлением, которое всячески старались замалчивать махисты. Эти ленинские указания чрезвычайно важны в том плане, что раскрывают роль материалистического монизма как методологического принципа естественных наук (в том числе психофизиологии) на протяжении всей их истории. Но в различных социально-исторических условиях этот принцип приобретал различный смысл, различную направленность.

Диалектический материализм обогатил трактовку этого принципа, исходя из опыта развития наук о природе, обществе и человеческом сознании. Материальное единство мира было понято иначе, чем в предшествующий период, когда за образец и идеал научного объяснения принимались законы механического движения макротел. Принцип отражения также пополнился новым содержанием. До возникновения марксистской философии механистический взгляд являлся исходным для естественнонаучного истолкования не только природы, но и ее познания, ее отражения в мозгу.

Ограниченность домарксистского взгляда на отражение использовал в своих интересах идеализм. Механистический материализм как в понимании внешней природы, так и в понимании отражения человеком внешнего мира исходил из принципов механики. Идеалисты немедленно воспользовались этим для утверждения, что идея отражения якобы по самой своей сути механистична и сводит восприятие к пассивному акту, в то время как сознание является активным процессом. В противовес этой и поныне весьма распространенной и популярной в кругах противников марксистской философии версии, В. И. Ленин развил идею отражения в стройную теорию и показал, что отражательный характер человеческого познания отнюдь не означает отрицания его специфичности и активности. Напротив, именно в теории отражения познание получило адекватную себе форму выражения и истолкования как активный процесс, неразрывно связанный с общественно-преобразовательной практикой.

Отметив, что в философии махизма «практика — одно, а теория познания — совсем другое»¹, что они ставятся в ней в лучшем случае рядом, но без понимания обусловленности познания практикой, В. И. Ленин подчеркнул, что только включение критерия практики в основу теории познания раскрывает подлинную природу человеческого познания и соответствует материализму. Включение же практики в теорию познания со всей очевидностью раскрывает исторический ха-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 142.

рактер познания, исконную активность этого процесса, его движение. Поэтому более чем странными выглядят попытки некоторых современных авторов, считающих себя материалистами и даже марксистами, приписывать ленинской теории отражения игнорирование или недостаточный учет активности процесса познания. Вместе с тем теория отражения подчеркивает, что наши восприятия и представления, получаемые благодаря органам чувств и мозгу, детерминированы внешними воздействиями и соответствуют объективной природе вещей. «Для всякого естествоиспытателя, не сбитого с толку профессорской философией, — писал В. И. Ленин, — как и для всякого материалиста, ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания... Софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира, — не за образ соответствующего ощущению внешнего явления, а за «единственно сущее»¹.

Простейшие психические акты уже у животных возникают в процессе биологического, а не механического взаимодействия. Они, как подчеркнул Ленин, обслуживают потребности организма и неразрывно связаны с его жизнедеятельностью, с ориентировкой в окружающей среде. Обслуживая поведение, они возникают в процессе приспособления, который современная биология трактует как активный процесс, а не механическое «уравновешивание».

В ленинской критике махизма специальное внимание обращается на то, что эта философия с целью утвердить первичность психических элементов — ощущений проповедует механический взгляд на свойства материи. Представив материю в качестве чего-то инертного, пассивного, не способного к самодвижению, махисты затем заявляют, что материя в принципе не может породить ощущение.

В противовес этому В. И. Ленин отмечал, что хотя вопрос о возникновении способности ощущения естествознание еще не решило, но «материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям»². Развитие нейрофизиологии подтвердило правоту ленинской критики механицизма.

Успехи в научном понимании поведения были достигнуты не на пути построения физических «элементов» из психических, как рекомендовал Мах, а благодаря новой материальной трактовке ощущений. Крупный прогресс был до-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 46.

² Там же, стр. 40.

стигнут благодаря внедрению в психофизиологию понятия о сигнале, выдвинутого И. М. Сеченовым и И. П. Павловым.

Сигнал всегда материален и несет информацию о внешних объектах. Сигнальные отношения, широко изучаемые ныне с помощью кибернетических методов, раскрыли тот уровень взаимодействия организмов со средой, на котором отчетливо выступает активность отражения. Эта активность проявляется и в наличии у животных своеобразных нервных аппаратов прогнозирования («опережающего отражения»), сличения достигнутого результата с «потребным будущим» и т. д. Современной психофизиологией накоплен также ценнейший материал об огромной роли исполнительных органов (мышц) в формировании ощущений и чувственных представлений о свойствах окружающих предметов. Если уже на уровне поведения животных отражение носит активный характер, то с переходом к человеку, сознание которого изначально формируется в борьбе с силами природы, в непрерывном преодолении внешних и внутренних барьеров на пути к реализации своих целей, активность отражения, выраженная в продуктивной творческой деятельности, достигает высшего уровня. Диалектичен, отмечал В. И. Ленин, переход не только от материи к ощущению, но и от ощущения к мысли. Каждый новый переход в развитии форм познания есть переход ко все более глубокому отражению окружающего мира. «Совпадение мысли с объектом есть процесс...»¹, — подчеркивал Ленин.

Отражение в контексте философской теории есть философский, а не физический термин. Он означает представленность в мозгу реальных вещей и их свойств, отражение в сознании объективной реальности, а не нервных процессов, посредством которых такое отражение осуществляется. Так же как положение о том, что внешний мир существует независимо от нашего сознания, остается незыблемой и абсолютной истиной, как бы ни менялись наши конкретные знания о нем, точно так же идея отражения реальности в человеческом мозгу остается незыблемой истиной безотносительно к эволюции конкретных представлений о механизмах отражения.

Критики марксизма стремятся представить теорию отражения в виде одной из преходящих концепций. Они смешивают в этих целях философское учение об отражении внешнего мира посредством нейрофизиологических аппаратов с новыми естественнонаучными данными об этих аппаратах, их устройстве и функционировании.

Само понятие об отражении они примитивизируют, трактуя его в духе архаических, давно отживших свой век взглядов. Между тем развитие психофизиологии не только не

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 176.

лишило теорию отражения научного значения, но, напротив, подтвердило ее жизненность.

В. И. Ленин о связи научной психологии и нейрофизиологии

Своеобразие развития психофизиологии в конце прошлого — начале нынешнего столетия определялось тем, что в эту эпоху происходил интенсивный процесс преобразования психологии в самостоятельную область знания. В течение веков психология считалась одной из философских дисциплин — наряду с теорией познания, логикой, этикой и др. Между тем разработка психических явлений велась не только философскими, но и естественнонаучными средствами. Однако лишь в 70-е годы XIX в. психология выделяется из философии и становится на путь самостоятельного развития, тесно соприкасаясь с физиологией. Это произошло главным образом под влиянием успехов в области физиологии органов чувств.

Огромную роль сыграло применение экспериментального метода. Но откуда он мог быть почерпнут, как не из физиологии?

Лишь после того как физиологи изобрели ряд приборов и методик, позволяющих варьировать условия протекания психологических процессов (вначале элементарных, а затем и более сложных), психология получила средства экспериментального анализа своих явлений. Физиологический эксперимент служил опорой и стимулом развития научной психологии.

Возникают первые психологические лаборатории. Их оборудование было заимствовано у физиологов, так же как и методы добывания и математической обработки экспериментальных фактов.

Чтобы отстоять «место под солнцем» среди других наук, психология должна была определить свой предмет, осмыслить его отличие от предмета физиологических исследований. Задача эта была не из легких. Трудности ее решения усугублялись влиянием идеалистических концепций, которые издавна доказывали, будто область душевных явлений навсегда закрыта для опытных и объективных методов. Единственным опытом в этой области идеалисты признавали опыт внутренний, опыт углубления субъекта в свой психический мир.

Очевидно, что под названием «внутренний опыт» скрывался все тот же субъективный интроспективный метод, препя-

ствовавший, как свидетельствует вся история психофизиологии, превращению психических явлений в объект действительно опытного и причинного анализа. Дуализм учения об опыте внешнем и опыте внутреннем как двух самостоятельных источниках знания пагубно сказывался на прогрессе научной психологии.

Вместе с тем истинного успеха психологическое исследование достигало только там, где внедрялись объективные методы анализа психических функций. Логика развития науки неотвратимо вела к превращению этих функций в объект опытного, экспериментального изучения. Но логика реализуется не в идейном вакууме, а в обстановке напряженной борьбы между выразителями противоположных мировоззрений. Эта борьба в свою очередь обусловлена социально-историческими обстоятельствами.

Идейное развитие русского общества в пореформенный период стимулировало разработку на почве физиологических исследований нового учения о психической деятельности, представленного в трудах Сеченова и его школы. Путеводной звездой для этой школы служила идея целостности человеческой природы. Идея, о которой идет речь, была развита и укреплена идеологами русской революционной демократии. Напомним, что сеченовское учение о нервной-психической деятельности зародилось в атмосфере напряженной борьбы Чернышевского и его соратников за бескомпромиссное материалистическое мировоззрение.

«Чернышевский, — подчеркивал В. И. Ленин, — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма...»¹.

Особенную остроту в ходе дискуссий, которые вела «партия Чернышевского» против открытых и замаскированных идеалистов, приобрели проблемы психофизиологии. «В настоящее время, — писал главный идеолог либерально-крепостнического лагеря П. Д. Юркевич, — физиология имеет очень заметное влияние на ход и характер общего образования, и довольно сильно определяет наши ежедневные суждения о жизни, ее явлениях и условиях»².

Внимание приковали прежде всего те разделы физиологии, где эта наука непосредственно пересекается с психологией. «Вопросы о душе, — продолжал тот же Юркевич, — ее изменениях и состояниях, также вопросы об отношении душевных явлений к телесному организму и к его различным частям слишком тесно связаны с многочисленными вопросами о нашем существовании и нашей цивилизации, и может быть вследствие этого они поднимают целый ряд страстей и предубеждений...»³.

Дискуссия о зависимости психических явлений от телесного механизма захватывала самые злободневные этические, педагогические, со-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 384.

² П. Д. Юркевич. Язык физиологов и психологов. — «Русский вестник», М., 1862, т. 38, стр. 912.

³ Там же, стр. 917.

псиологические, политические вопросы. Без преувеличения можно сказать, никогда прежде в истории научно-философской мысли споры по таким специальным темам, как, например, о соотношении нервного акта и психического, внешнего и внутреннего опыта, произвольных и непроизвольных движений, ощущений и мышления и др., не вызывали столь жгучий общественный интерес. По свидетельству Н. Е. Введенского, в ту эпоху человек, который не прочел «Рефлексы головного мозга», не считался образованным.

Опыты в физиологических лабораториях получали широкий отклик не только в научной среде, но и далеко за ее пределами. Такой обстоятельный интерес к специальным исследованиям в области физиологии центральной нервной системы становится понятным, если учесть, что каждое новое физиологическое открытие преломлялось сквозь призму воззрений на человека как целостное существо, в котором телесное и духовное нераздельно. Если в прежнюю эпоху считалось, что право на изучение душевной жизни принадлежит исключительно философии в ее умозрительном или эмпирическом (в смысле описания «фактов душевной жизни») варианте, то теперь, благодаря проникновению естествознания в область психических явлений, внедрению в эту область экспериментальных и математических (психофизики) методов, картина решительно меняется. Эти коренные сдвиги в понимании задач и методов психологии (предвосхищенные в знаменитом сеченовском ответе на вопрос «Кому и как разрабатывать психологию?») имели не только конкретно-научный, но и важный мировоззренческий и методологический смысл.

В. И. Ленин уже в первые годы своей деятельности блестяще ориентировался в главных течениях научной мысли в области психологии и придал большое значение новому направлению в исследовании психических процессов, тому направлению, которое считало, что развитие психологии должно быть неразрывно связано с естествознанием, нейрофизиологией. Об этом новом направлении В. И. Ленин говорил уже в 1894 г. в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Именно здесь мы встречаем характеристику «научного психолога» как исследователя нового типа, отличающегося от «психолога-метафизика». «Пока не умели приняться за изучение фактов, — писал В. И. Ленин, — всегда сочиняли а priori общие теории, всегда остававшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое средство? Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила? Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы... Он, этот научный психолог, отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов...»¹

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 141—142.

Итак, различие между двумя типами психологов состоит как в исходных понятиях, так и в методах работы. Для психолога-метафизика исходным является понятие о душе (иногда замаскированное другими словами, такими, например, как «сознание», «мышление» и т. п.) как самостоятельном начале. Естествознание разрушало такой подход как конкретными достижениями, так и своей методологией. Отвергались любые «самостоятельные начала» в качестве гипотетического исходного пункта для дедукции из этих «начал» конкретных явлений и опытно наблюдаемых фактов.

В. И. Ленин выделяет два отличительных признака деятельности научного психолога: а) его отказ от оперирования категорией «души» в качестве главного объяснительного понятия; б) его переход к изучению конкретных процессов и фактов на основе физиологического знания.

Второй момент требует специального рассмотрения, ибо здесь лежал водораздел между психологией эмпирической и психологией физиологической, причем именно вторая сторона, выделенная В. И. Лениным в качестве нового направления, соответствующего общей методологии опытного, детерминистического исследования природы и общества, привела к современному научному знанию о поведении.

Стремление придерживаться фактов, отойти от умозрения не могло быть последовательно реализовано, пока анализ психических явлений (даже рассматриваемых в их конкретности, без обращения к душе как особой сущности) носит имманентный характер, т. е. замыкается в пределах осознаваемого или непосредственно переживаемого. Только выйдя за эти пределы к реальной жизнедеятельности организма, регулируемой нервной системой, психология обретает надежную почву для исследования своих фактов. Очевидно, что этой «почвы» нет внутри самой психологии, трактуемой как учение о явлениях или процессах сознания. Требовалось обратиться к области, доступной объективному наблюдению и экспериментальному контролю, прежде всего — области физиологии. Поэтому, даже отказавшись от категории души и соответственно от умозрительного выведения из нее отдельных свойств и способностей, психология не может стать точной и строгой наукой, пока не соотнесет свои концепции и методы с физиологическими. Всякий иной подход уводит в сторону от научного исследования психических явлений.

Нужно иметь в виду, что уже начиная с XVIII века стало общепринятым разграничивать психологию рациональную (умозрительную) и эмпирическую. Однако сам по себе призыв к эмпирии еще не содержал тех дополнительных ограничений, которые должны были быть введены для придания психологии истинно эмпирического облика. За словом

«опыт», как в дальнейшем подчеркивал В. И. Ленин, могут скрываться совершенно различные способы анализа явлений. Научный опыт психологии требует учитывать механизмы нервной деятельности — такова важная мысль Ленина, высказанная им в связи с определением исследовательского профиля научного психолога. Стало быть, отвергался не только умозрительный, дедуктивный подход с его методом разбора «всех известных теорий о душе», но и идеалистический эмпиризм, пользовавшийся большим влиянием в психологии не только в тот период, когда были высказаны рассмотренные ленинские положения, но и впоследствии. Ленин говорит о новом методе в противовес субъективному. Ведь задача психолога усматривается Лениным в том, чтобы взяться «за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов». Решение указанной задачи предполагает перемещение всего психологического исследования в совершенно иной план.

Веками уникальным орудием познания психических явлений в отличие от физических считалось самонаблюдение (интроспекция) как способность человека сосредоточиться на феноменах собственного внутреннего мира. Эта способность не является фикцией, так как у субъекта на определенной ступени фило- и онтогенетического развития действительно возникает умение анализировать и оценивать свои психические состояния. Вместе с тем, используя свидетельства одной только интроспекции, психологическое знание не способно приобрести достоинства научного. Требовался переход к объективным методам. Этот переход осуществился благодаря физиологии. Ведь объект физиологии — нервные процессы — не может изучаться путем самонаблюдения; интроспективного анализа. Стало быть, включение в психологическую сферу нервных актов изменяло не только представление о характере (границах, объеме) этой сферы, но и о методах ее постижения.

Понимание Лениным научно-психологического знания как знания психофизиологического было внутренне связано с принципом материалистического монизма, с учением о том, что единство мира состоит в его материальности. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что ленинская характеристика нового типа исследования психической деятельности не только соответствовала общим философским представлениям о психике как функции мозга, но и отражала определенные конкретно-научные процессы в развитии естествознания в определенный исторический период, в частности интенсивное использование физиологических методов и понятий при исследовании ощущений, восприятий, сенсомоторных реакций и других психических феноменов.

Упоминание Ленина о том, что психолог-метафизик вол-

нуется, «слыша, как кругом толкуют о совершенно новом понимании психологии.., об особом методе научной психологии»¹, не были риторическим оборотом. Оно отражало актуальный интерес, который проявлялся в те годы к новым методам исследования психики, к новым представлениям об объекте и задачах этого исследования.

Независимо от того, имел ли Ленин в виду конкретное ученое или обобщенный тип, в его представлениях о задачах и методах работы «научного психолога» вырисовывалась перспектива разработки новой психофизиологии, изучающей объективными методами целостные нервно-психические акты.

Высказанные Лениным в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» идеи об опытной психологии, опирающейся на нейрофизиологию, конкретизируются и развиваются в других ленинских работах. Именно на эти идеи опирался В. И. Ленин в своей критике махистских попыток представить «новое» понимание предмета и методов психологии.

Вопрос этот, имевший, как показал Ленин, принципиальное значение для укрепления диалектико-материалистической теории познания, имел также непосредственное отношение к оценке перспектив развития конкретной экспериментальной науки, каковой становилась в тот исторический период психология. Ведь адепты махистской философии стремились использовать историческую ограниченность первых попыток внедрить экспериментальные методы в изучение психических явлений.

На дуалистических позициях стояли многие представители так называемой «опытной школы» в психологии, в частности немецкий физик и физиолог Фехнер, немецкий физиолог и психолог Вундт, английский философ и экономист Джон Ст. Милль и другие. Этим исследователям принадлежат серьезные заслуги в подготовке почвы, на которой психология сложилась в качестве самостоятельной дисциплины.

Так, трудами немецкого физика и физиолога Фехнера были заложены основы психофизики — науки о закономерных, допускающих математическое обобщение отношениях между физическими стимулами и психическими реакциями — ощущениями. Работы Фехнера имели основополагающее значение для экспериментальной психологии. Эрнст Мах до того как стал физиком и философом, также занимался психофизикой. Он был учеником Фехнера, и его первые работы относятся именно к этой области.

Психофизические методы и результаты имели объективное содержание и именно поэтому обусловили прогресс научного знания о психической деятельности. Методологическая же позиция Фехнера была идеалистической. Он был дуалистом, полагавшим, что у мира имеется две стороны — светлая (духовная) и темная (материальная). Свою задачу он видел в том, чтобы установить математические законы, по которым эти две стороны соотносятся между собой. Фехнер придерживался концепции так называемого психофизического параллелизма, и он был не одинок в защите этой концепции, суть которой состояла в том, что психическое и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 142.

физическое трактовалось как два независимых друг от друга, но вместе с тем связанных ряда, которые между собой никогда не пересекаются, никогда не взаимодействуют. Таково было в середине XIX в. credo многих исследователей, в том числе и создателей экспериментальной психологии. Психофизический параллелизм — тезис о том, что психическое неотделимо от телесного, но не находится с ним в причинной связи, возник еще в XVII в. Он выступал в различных формах, как идеалистических, так и материалистических. У Фехнера, верившего в одушевленность планет, воспроизводилось учение известного немецкого философа-идеалиста Шеллинга.

Чем объяснить широкую популярность концепции психофизического параллелизма в период, предшествовавший появлению Маха на философской арене? Эта концепция тогда воспринималась как постулат, отступление от которого означает конфликт с незыблемыми законами естествознания, прежде всего законов сохранения энергии.

Если допустить, что сознание как непространственный и нетелесный внутренний агент способно воздействовать на тело, придавать ему дополнительную энергию, то этот закон, конечно, нарушается.

Как писал один из защитников теории параллелизма, если бы даже один мозговой атом мог бы быть сдвинут сознанием со своего пути на одну миллионную часть сантиметра, то это уже было бы нарушением основных принципов естествознания. Но, с другой стороны, отвергнуть действительную роль сознания, представить его в виде продукта телесной машины, бессильно оказывать влияние на ее работу (подобно тому как тень пешехода не влияет на скорость его шагов), значило бы лишить сознание его жизненного смысла, представить его отблеском мозговых процессов — эпифеноменом, а не реальным явлением.

Соответственно и наука об этих явлениях — психология теряла сколько-нибудь серьезное значение. Она становилась наукой о «теньях», о фактах, не имеющих никакой реальной ценности.

Параллелизм же в противовес этой концепции представлялся доктриной, открывающей путь к «мирному сосуществованию» между естествознанием и психологией. Он сохранял силу за законами первого, второй же придавал право на самостоятельность, поскольку область психического выступала на равных началах с телесными явлениями, а не изображалась как их бледная тень.

Успехи психологии, в категориях которой накапливалось позитивное знание о своеобразной реальности, не тождественной физиологической, укрепляли позиции тех, кто, с одной стороны, принимал незыблемость законов естествознания (в частности, закона сохранения энергии), с другой — отказывался признать психику тенью, отблеском мозговых процессов — эпифеноменом.

Но вопрос о том, как соотносятся между собой психическая и физиологическая реальность, оставался загадочным, полным непреодолимых трудностей.

Параллелизм расщеплял бытие на две сферы, существующие каждая на собственных основаниях. Здесь был мировоззренческий тупик. Но не только стремление к цельному мировоззрению отталкивало от параллелизма. Несοοобразности на уровне расчлененного, осознанного мировоззрения лишь обнажают трудности и противоречия, которые в неясной, нерасчлененной форме пронизывают мысль ученого на уровне его повседневной работы.

Наиболее важное из того, что наполняло психологическое знание реальным смыслом, было приобретено благодаря изучению жизнедеятельности организма и его отдельных систем.

В телесности, материальности этих объектов мог сомневаться разве только крайний идеалист. С точки зрения же психофизического параллелизма выходило, что изучение деятельности органов чувств, двигательных актов, поведения организма в окружающей среде бессильно чем-либо обогатить знание о психике и ее детерминации, как таковой, поскольку

оно будто бы являет собой знание об объектах совершенно другого сорта — бестелесных, нематериальных, бессубстратных. Это можно было исповедовать в теории, но с этим трудно было примириться в практике исследования, где несуразность противопоставления психического телесному становилась все более очевидной. Ведь вся практика деятельности экспериментально-психологических лабораторий строилась на различных способах воздействия физическими, материальными раздражителями на организм. О каком параллелизме могла идти речь, когда исследователь только то и делал, что непрерывно устанавливал зависимости между внешним и внутренним, объективным и субъективным?

Сколько бы Фехнер ни настаивал на различии между психическим и физическим по существу (как физик он стоял за реальность природы, как метафизик — за реальность духа), успеха он добился не потому, что защищал непреложность указанных различий, а в силу совершенно других обстоятельств, а именно — в силу раскрытия соответствий, корреляций между двумя порядками явлений — телесными и духовными. Закон, увековечивший имя Фехнера, описывал именно эти корреляции — логарифмическую зависимость между величиной физического раздражителя и интенсивностью ощущения.

Огромной заслугой Фехнера явилось применение к психическим процессам не только опытных, но и математических методов.

Психофизика строится на использовании специального математического аппарата, с помощью которого описываются количественные отношения между физическими и психическими явлениями. Само по себе внедрение математики в экспериментальную психологию было могучим фактором, придавшим ей серьезное научное достоинство. Однако полученные психофизикой математические уравнения нуждались в определенной причинной интерпретации. В. И. Ленин показал в «Материализме и эмпириокритицизме», что математизация науки, в частности физики, может быть использована и в реакционных философских целях.

В математических формулах, как таковых, предполагаются, но явно и однозначно не выражены причинные связи реальных процессов. Математические формулы, которыми оперировали Фехнер, Мах и другие исследователи в области психофизики, допускали различную трактовку, поскольку сами по себе уравнения говорят лишь о функциональном отношении величин, в частности, величины раздражителя (например, звука) и интенсивности ощущения (например, слухового). Фехнер, представляя свои результаты, утверждал, что в них выражена параллельность физического и духовного как самостоятельных, но коррелирующих между собой сторон бытия.

Выше уже отмечались причины, по которым психофизический параллелизм в определенный период развития физиологии и психологии пользовался успехом. Параллелисты настаивали на самостоятельности психических функций организма в противовес концепции, лишающей эти функции реального значения. Вместе с тем обратим внимание на то, что параллелисты исходили из признания самостоятельности, независимости от сознания внешней природы, физического мира. Параллелизм являлся дуалистическим воззрением.

Дуализм, как мы это видели на примере развития учения об органах чувств, все очевиднее обнаруживал свою несостоятельность. Неудовлетворенность дуализмом была обусловлена не только стремлением передовых естествоиспытателей преодолеть декларированное им отрицание причинной связи между материей и психикой. Дуализм как ложная теория препятствовал практике исследовательской работы.

Эта неудовлетворенность дуализмом и была использована Махом и его последователями. Учитель Маха в области психофизики Фехнер исходил из того, что физический мир существует сам по себе, но причинного влияния на психическое оказать не может.

Фактически обнаруженным в практике научного исследования реальным связям между физическим и психическим был придан смысл не при-

чинного, а функционального отношения. Мах усвоил эту подмену причинной связи функциональной, а слову «функция» придал чисто математический смысл. В математике же безразлично, какую величину принять в качестве зависимой, а какую в качестве независимой переменной.

Естествознание веками исходило из представления о психике как функции мозгового субстрата. Слово «функция» при этом всегда понималось физиологически и не могло означать ничего другого, кроме деятельности определенного нервного устройства, представляющего собой материальную систему, неразрывно связанную с остальной природой.

Подменив физиологическую трактовку функции математической, Мах и стал утверждать, что представление о психике как функции мозга равноценно представлению о мозге как функции психики.

Махизм входил в моду как критик параллелизма, как противник разделения бытия на телесное и духовное. Если Фехнера осенним утром 1850 г. озарила мысль о том, что эти две стороны бытия, существующие параллельно, подобно внешней и внутренней сторонам круга, коррелируют между собой по определенному закону, то Маха через несколько лет озарила другая мысль.

Мах вспоминает, что однажды утром, выйдя в цветущий сад, он вдруг осознал, что вся эта роскошь цветов, звуков и запахов не что иное, как комплекс ощущений. Это «прозрение», ставшее руководящей нитью его последующих философских размышлений, означало отказ от принципа параллелизма. Последний действительно не соответствовал запросам развития логики науки, в частности науки психологической, из-за указанных выше обстоятельств, из-за несовместимости с нарастающим богатством эмпирического материала, говорившим против предположения о параллелизме психического и телесного.

Позволяла ли новая схема, нарисованная Махом, не только отвергнуть параллелизм, но и открыть пути продвижения вперед в тех реальных вопросах, исследование которых все больше и больше порождало недоверие к параллелизму? Ничуть. Реальные вопросы требовали объяснить, каков действительный характер взаимоотношений между двумя уровнями организации жизненных процессов: физиологическим уровнем и психологическим.

Философия Маха, например, могла провозгласить, что различие между указанными уровнями является иллюзорным. Но практика научного исследования разрушала эту философию. В то же время, выступая против параллелизма в теории, Мах оставался его пленником в своих объяснениях психофизических корреляций в каждом случае, когда приходилось от философской пропаганды переходить к психофизическим опытам. Здесь по-прежнему физическое и психическое рассматривалось как два сопутствующих друг другу ряда явлений, однородных по природе (ведь физическое, по Маху, идентично психическому), но параллельных по характеру взаимоотношений.

Подлинный смысл философских софизмов Маха был впервые показан в мировой научно-философской литературе В. И. Лениным. За философской фразеологией махизма, его претензиями на позитивную разработку научных проблем и преодоление теоретической путаницы, царившей в умах исследователей нервно-психической деятельности, В. И. Ленин зорко различил контуры доктрины, не стимулирующей, а блокирующей прогресс научной физиологии и психологии. Дуалистический, параллелистский взгляд, как показал Ленин, действительно несовместим с логикой развития науки.

Но преодолен он может быть только с позиций диаметрально противоположных махистским.

Проанализировав различные подходы к психофизической проблеме, Ленин отверг:

а) дуализм, противопоставивший сознание материи, душевный процесс его нервному субстрату, идею вещи ей самой;

б) вульгарный материализм, отрицающий реальность психики, ее активное влияние на ход жизнедеятельности, а на уровне человека — творческую роль сознания;

в) субъективно-идеалистическое отождествление духовного и материального путем изображения реальных вещей в виде комплексов или рядов ощущений;

г) энергетизм, стремящийся представить психику в виде особого вида энергии, включенной в общую динамику энергетических процессов в природе. Такого рода учение выдвинул В. Оствальд. Он полагал, что в природе существует известная величина нематериального свойства, которая во всех процессах — как физических, так и психических — сохраняет свое значение, проявляясь в самых различных формах.

Мнимое единство материального и духовного в этом случае достигалось за счет однородной нематериальной величины. В. И. Ленин убедительно показал, почему неприемлемы эти попытки найти подходы к проблеме, от адекватного решения которой зависит успешность разработки психологии как науки и определение характера ее отношений с нейрофизиологией.

Вместе с тем, не ограничившись критикой различных взглядов на мозг и психику, широко распространенных в научно-философской литературе рассматриваемого периода, В. И. Ленин наметил позитивные пути исследования психофизиологической проблемы под углом зрения диалектико-материалистической методологии.

В борьбе против материалистических устремлений естествоиспытателей философы-идеалисты стремились доказать, будто материализм неотвратимо ведет к отрицанию жизненной ценности сознания. В. И. Ленин, анализируя спор между английским философом-спиритуалистом Джемсом Уордом и естествоиспытателем — физиком Артуром Риккером, подвергает критике, наряду с другими аргументами Уорда, также его утверждение, будто картина мира, рисуемая естествознанием, лишает психику какого бы то ни было реального значения.

«...Нельзя ничем оправдать теорию, — писал Уорд, — утверждающую, что механизм есть основа всего и что он сводит факты жизни и духа к эпифеноменам, то есть делает их, так сказать, на одну степень более феноменальными, на одну степень менее реальными, чем материя и движение»¹.

¹ Цит. по В. И. Ленину. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 296.

По мнению Уорда, защищаемая натуралистами (в частности, Риккером) теория физических процессов исключает возможность понять сознание как реальное явление, вынуждает отнести сознание к разряду эпифеноменов (т. е. бездейственных, остаточных продуктов движения молекул и атомов).

Ограниченность механистического подхода, неспособного раскрыть действительную роль психического в «механизме» природы, использовалась Уордом и его единомышленниками для борьбы с материалистическим мировоззрением в целом. Против подобного рода аргументации решительно выступил В. И. Ленин. «Это, конечно, сплошной вздор, — подчеркнул он, — будто материализм утверждал «меньшую» реальность сознания...»¹.

Из всего контекста ленинского анализа следует, что диалектический материализм вовсе не считает факты жизни и духа «на одну степень менее реальными, чем материя и движение». Его принципиальное отличие от идеалистических концепций не в отрицании реальности сознания, а в том, что для этой реальности указываются совершенно иные основания. Идеализм в трактовке сознания исходит исключительно из духовной деятельности субъекта, его мыслительной или волевой активности, возводимой в абсолют и мистифицируемой.

Напротив, диалектический материализм рассматривает реальность сознания в связи с общими закономерностями развития природы и общества. Еще в 1894 г. В. И. Ленин писал: «...вывод о зависимости хода идей от хода вещей единственно совместим с научной психологией»².

В путаных представлениях махизма ощущения вначале объявлялись «настоящими элементами мира», а затем, как пишет В. И. Ленин, Мах начинал «тайком протаскивать обратные взгляды, что ощущения связаны с определенными процессами в организме»³. Говоря о связи ощущений с телесным субстратом, Мах имел в виду процессы *внутри* организма. Он писал в «Анализе ощущений»: «Если бы в то время, как я ощущаю что-либо, я же сам или кто-нибудь другой мог наблюдать мой мозг с помощью всевозможных физических и химических средств, то можно было бы определить, с какими происходящими в организме процессами связаны определенного рода ощущения...»⁴.

Стало быть, чувственные впечатления соотносились с физическими и химическими явлениями, которые можно наблюдать в мозговом веществе в момент, когда субъект осознает какое-либо ощущение. Мы видим

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 296.

² Там же, т. 1, стр. 137.

³ Там же, т. 18, стр. 38.

⁴ Цит. по В. И. Ленину. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 37—38.

здесь продолжение той же линии мысли, из которой в свое время исходила школа «физиологических» идеалистов И. Мюллера.

Нетрудно заметить, что в психофизиологическом плане различия между этими двумя взглядами — мюллеровским и махистским — касались понимания — нервного субстрата, но не характера отношений к этому субстрату психических явлений. В обоих случаях общий принцип оставался тем же самым: утверждалось, что ощущение (психическое) коррелирует с организмом, но не со своим источником во внешней среде. Именно поэтому ни «физиологический» идеализм И. Мюллера, ни махистская схема не могли раскрыть подлинную ценность ощущений. Оба направления, если их рассматривать в связи с запросами психофизиологии, означали по своей сути эпифеноменализм. Тот самый, который они считали непременным признаком материалистического мировоззрения. Ведь и в одной и в другой концепции психическое выступало только как бездейственный спутник анатомических связей или физико-химических реакций, но не как реальный регулятор жизненных процессов, способный влиять на их ход.

Для того чтобы понять это влияние, требовалась коренная переориентация теоретического мышления: переход от попыток соотносить психические феномены с характеристиками изолированно взятого нервного субстрата к рассмотрению психических и физиологических явлений в широком контексте взаимоотношений целостного организма с окружающей средой.

Этот новый биологический подход назревал в противовес прежнему механистическому в физиологических исследованиях конца XIX—начала XX в., и В. И. Ленин философски его обобщил, наметив широкие методологические перспективы разработки психофизиологических проблем на диалектико-материалистической основе. По поводу утверждения Маха о том, что ощущения связаны с определенными процессами в организме, В. И. Ленин пишет: «Не связаны ли эти «процессы» с обменом веществ между «организмом» и внешним миром? Мог ли бы происходить этот обмен веществ, если бы ощущения данного организма не давали ему объективно правильного представления об этом внешнем мире?»¹.

Ощущение выступает тем самым как непременная предпосылка нормального функционирования организма, начиная с самых элементарных форм его взаимодействия со средой. Мах трактует физиологические процессы в качестве совершающихся в замкнутой системе организма. Ленин же исходит из того, что эти процессы, имея фундаментальное биологическое назначение, реализуют обмен веществ со средой. Но как только естествоиспытатель начинает рассматривать организм с широкой биологической позиции, сразу же встает вопрос об аппаратах, посредством которых приобретает информация о свойствах среды. Такими аппаратами и являются органы чувств. Их отражательная способность обеспечивает объективно правильное представление прежде всего о **внешних** (а не только внутриорганических) условиях жизнедеятельности. Конечно, говоря о «представлении»,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 38.

В. И. Ленин имел в виду именно представленность внешнего мира в деятельности тех устройств, посредством которых совершаются ориентация и приспособление организма к этому миру. Это необходимо отметить в связи с тем, что термин «представление» весьма многозначен, а в современной психофизиологии и психологии он указывает на очень сложные образования, возникающие на основе ощущений, как результат их переработки. Когда В. И. Ленин говорил о том, что ощущения дают правильное представление о действительности, он подразумевал под этим отображение мира в широком смысле слова, а не только в форме высокоспециализированных продуктов, какими являются человеческие представления.

Дальнейшее развитие психофизиологии, вдохновленной идеями естественноисторического материализма, подтвердило правоту и перспективность ленинского вывода.

Психофизиология, ставшая на путь выяснения зависимостей структуры и функции чувственных образов от внешних условий, в которых реализуется адаптивное поведение, не только достигла крупных успехов в познании механизмов психического отражения, но и сомкнула физиологическое исследование с кибернетическим. Между источником информации и ее носителем складываются такого рода отношения, что носитель информации (процессы в органах чувств, нервной системе) воспроизводит особенности не этого носителя, а источника, т. е. внешней среды.

Согласно современным представлениям внешний раздражитель моделируется нервным процессом (характеризуемым некоторыми исследователями как частотно-импульсный код), а аппарат «декодирования» преобразует сигнал кода в образ.

Анализ этих гипотез показывает, что в них получил реализацию охарактеризованный выше важнейший методологический принцип — принцип представленности в организме свойств той среды, в приспособлении к которой состоит смысл производимых живым организмом действий.

Ощущение как психический феномен и есть исходная форма представленности внешнего мира в системе организма.

«Ощущение есть образ движущейся материи. Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем; ощущения вызываются действием движущейся материи на наши органы чувств... Наши ощущения отражают объективную реальность, т. е. то, что существует независимо от человечества и от человеческих ощущений. Так смотрит естествознание»¹.

Сопоставляя эти положения, которые характеризуют ощущения как образ движущейся материи, вызываемый ее действием на рецепторы, с рассмотренными выше положениями о роли ощущений как фактора, обслуживающего метаболические процессы, следует сделать вывод, что трактовка психической деятельности в трудах В. И. Ленина сомкнула две

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 320.

линии в естественнонаучных исследованиях этой деятельности. Ощущение является результатом, эффектом воздействия физико-химических процессов на орган чувств.

Эта линия успешно развивалась в физиологии, руководствовавшейся физико-химическими теориями и принципами. Ее наиболее ярким представителем был Гельмгольц.

На смену механистической физиологии шла биологическая, которая, опираясь на достижения в исследовании зависимости живой материи от общих законов физики и химии, полагала, что на уровне органической природы ход физико-химических процессов направляется на решение биологических приспособительных задач. Если для физико-химической физиологии ощущение являлось преимущественно результатом, эффектом внешнего влияния, то в биологически ориентированной физиологии оно выступало не только как эффект процесса, но и как его активный участник.

Эта переориентация психофизиологии дала повод модернизованному идеализму утверждать, будто главным в ощущении является обслуживание потребностей организма, а не передача свойств внешних раздражителей самих по себе. Критикуя указанное идеалистическое искажение биологической функции психических явлений, Ленин подчеркивал, что эта функция может быть реализована лишь при условии построения образов той среды, по отношению к которой осуществляется приспособление.

«Познание может быть биологически полезным, полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если оно отражает объективную истину, независимую от человека»¹. В этих ленинских положениях идея биологической целесообразности познавательной работы мозга органически соединилась с принципом отражения.

Развитое Лениным марксистское положение о том, что жизнь, практика — это внутренние факторы процесса познания, а не внешние по отношению к нему силы, имело огромное значение и для укрепления материалистического мировоззрения в целом и для разработки психологических проблем, в частности вопроса о предмете психологии. Актуальность этого вопроса определялась тем, что в связи с обособлением психологии в самостоятельную науку вспыхнули острые дискуссии об ее предмете.

Среди работ, детально проанализированных В. И. Лениным, была и статья Авенариуса «Замечания о понятии предмета психологии»². В ней, выдавая вещи и мысли за «комплексы элементов», этот философ пытался определить, что же отличает психологию от других наук.

В то время большой популярностью пользовалось мнение Вундта о том, что предметом психологии является «непосредственный опыт», непосредственно переживаемые субъектом феномены. Ни одна другая наука не исследует этот материал, утверждал Вундт.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 142.

² Там же, стр. 52.

Казалось, что граница между психологией и другими дисциплинами проведена достаточно четко. Однако в действительности она была фиктивной, поскольку фиктивным являлся сам предмет, оставленный Вундтом на долю психологии. За вундтовским определением стоял традиционный дуализм. Феномены сознания трактовались не как отражение действительности, а как «обитатели» замкнутого в себе душевного мира.

В своей практической деятельности человек непрерывно проверяет правильность своих представлений, образов, мыслей, вносит коррекции, отделяя истинное от иллюзорного. Возможно, однако, что при определенных условиях, отрешившись от практической деятельности, субъект займет позицию наблюдателя по отношению к своим психическим состояниям. Тогда-то и возникают искусственные продукты, своеобразные эрзацы реальных образов — пресловутые элементы «непосредственного опыта».

Как это на первый взгляд ни покажется удивительным, но мнение, будто предметом психологии являются факты или феномены сознания, по существу (конечно, не по доброй воле отдельных исследователей, а по логике движений мысли), неотвратимо вело к ликвидации психологии как самостоятельной науки. Ведь в опыте индивида, фактах его сознания содержится информация о действительности, о бесчисленном множестве внешних явлений. О чем еще помимо этого могут сообщать «факты сознания»? Но если в них ничего больше не содержится, то что остается на долю психологии?

Знание о действительности — это знание о физических, химических, биологических, социальных и других явлениях. Собственный объект психологии испаряется.

Точка зрения Вундта на предмет психологии не соответствовала достижениям и запросам науки.

На смену Вундту пришел Авенариус с его концепцией о том, что ощущения, образы, как таковые, вообще не могут быть предметом одной только психологии, поскольку они по своей природе нейтральны к разграничению психического и физического. Как же в таком случае выглядит предмет этой науки?

В едином опыте, по Авенариусу, имеются различные ряды событий. Один ряд мы принимаем за «независимый». Это событие, происходящее в системе организма. Другой ряд — «зависимый», к нему относятся явления, изучаемые психологией. При этом отрицалось, что психика порождается мозгом, является его функцией.

Каким же образом появился в галерее философских идей этот вывод, который к тому же высказывался в атмосфере бурного развития знаний о физиологических механизмах психических явлений?

В общей логике развития махистской концепции он становится понятным. Если считать, что область психического складывается из ощущений (чувственных образов), а сами ощущения отождествить с реальными вещами, которые в них воспроизводятся, то представить такого рода «психику» в качестве функции мозга действительно становится затруднительным. Приписывая мозгу психику, мы, согласно Авенариусу, совершаем недопустимую «интроекцию», вкладываем в нервные клетки то, чего там нет. Образы и мысли нелепо искать в черепной коробке. Они находятся вне ее.

Если не проводить различий между образом вещи и ею самой, то действительно становится загадочным, как все богатство познаваемого мира может разместиться в полутора килограммах мозговой массы. Операция, произведенная махизмом над образом, имела своей предпосылкой уже известное нам интроспективное учение. Стоит только выключить образ как психическую реальность из системы взаимосвязей действующего организма с внешним миром, стоит только занять по отношению к психике позицию «внутреннего наблюдателя», как мы моментально оказываемся в западне интроспекционизма.

Философия, для которой ощущение и вещь одно и то же, лишает реальности не только вещь, но и ощущение. Ибо ощущение такая же реальная функция организма, как и нервный процесс, имеющая свои механизмы и закономерности, отличные, с одной стороны, от чисто нервных, а с другой — от законов, по которым живет объективный мир, воспроизводимый в чувственных образах.

Махизм же, как показал В. И. Ленин, отождествив психическое («непосредственно данное») как с нервным, физиологическим процессом, который служит его субстратом, так и с внешней вещью, которую отображает, запутывал реальные проблемы игрой в словечки.

Авенариус выдавал себя за противника идеализма, защитника естественнонаучных взглядов и т. д. И русские махисты поверили «на слово той оценке интроспекции, которая дана самим Авенариусом, не заметив *жала*, направленного против материализма»¹.

Жало, направленное против материалистической философии, было нацелено также и против союза психологии с нейрофизиологией, — союза, в котором В. И. Ленин, опираясь как на принципы диалектического материализма, так и на исторический опыт естествознания, видел залог успешного развития научной психологии. Выступая против «интроспекции», Авенариус утверждал, что недопустимо вкладывать сознание в нервные клетки.

Но чем тогда становился организм, если из него оказывались изъяты образы, мысли, чувственные содержания? Он превращался в телесное, чисто механическое устройство, реагирующее на раздражители. Казалось, в противовес учению, которое переносило внутрь субъекта и замыкало в пределах его сознания все богатство внешнего мира, восторжествовал объективный подход. Утверждалось, что ощущения — это не феномены сознания, а феномены внешней по отношению к организму среды. Но мы уже знаем действительную цену этой мнимой объективности. Перед нами организм, из которого удалены образы и вообще познание (поскольку последнее немислимо без образов, идей, предметного содержания). Перед нами среда, где реальные вещи подменены удаленными из сознания образами. Станный, причудливый мир, созданный игрой философской фантазии. Логику этой игры проследил В. И. Ленин, предсказав, что все потуги «тысяча и одной идеалистической школки» разобьются об устои естественноисторического материализма так же, как они неизменно разбивались прежде².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 87.

² Естественноисторический материализм, по В. И. Ленину, «есть устой, который становится все шире и крепче и о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной школки философского идеализма» (Полн. собр. соч., т. 18, стр. 372).

Полвека прошло с тех пор, когда Ленин в острой и последовательной критике махистской концепции, как никто другой из философов, вскрыл ее нищету и несовместимость с магистральной линией развития естественных наук, в том числе наук о мозге и психике.

Полувековой опыт этого развития может служить надежным историческим свидетельством верности той методологической ориентировки, которую наметил и отстаивал В. И. Ленин в бурный период идейно-научных схваток, связанных с одной из революций в естествознании.

Новые грандиозные сдвиги, которые производит во всем строе человеческой жизни и мышления нынешняя научно-техническая революция, выдвинули и множество новых проблем.

Но по-прежнему остаются руководящими принципами научной методологии философские идеи диалектического материализма, защищенные и развитые В. И. Лениным, и среди них идея об отражательной природе психической деятельности.

Отсюда вытекает и положение о незыблемости союза между нейрофизиологией и психологией как предпосылки прогресса обеих наук.

Мы видели, насколько многогранным и содержательным, обогащенным многовековым опытом развития научно-философской мысли выступило это положение в ленинских трудах.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Если вы медик по профессии или если вас интересуют вопросы медицины, рекомендуем вам подписаться на серию «Медицина» нашего издательства. Известные ученые расскажут в брошюрах этой серии о достижениях советского здравоохранения, о проблемах, стоящих сегодня перед мировой медицинской наукой. Концентрированная информация по широкому кругу вопросов, которая содержится в книжках этой серии, дает им преимущество даже перед специальными медицинскими журналами.

Во втором полугодии 1970 года среди других брошюр этой серии подписчики получают такие книжки:

Меделяновский А. Н., кандидат технических наук. Биологическое управление

Тягин Н. В., доктор медицинских наук. Человек за рулем (психогигиена водителя)

Сборник. Гигиеническое поведение человека и здоровье

Подписка на серию производится поквартально и принимается во всех отделениях «Союзпечати». Индекс серии в каталоге «Союзпечати» — 70100. Ее надо искать в разделе «Научно-популярные журналы» под рубрикой «Брошюры издательства «Знание». Стоимость подписки на квартал — 27 коп., на полугодие — 56 коп. Ежемесячно читатели будут получать по одной брошюре.

Издательство «Знание»